

ДРЕВНЯЯ и НОВАЯ

РОССІЯ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

СБОРНИКЪ

1876

ГОДЪ ВТОРОЙ

ТОМЪ III.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ И ДЕКАБРЬ.

церу, чтобъ его, унтеръ-офицера, команда, будучи ему и командѣ, при взятыѣ тѣхъ по указыванью доносителемъ колодниковъ въ которыхъ домахъ взяты будутъ, обидѣ и разоренію и грабежа никакого не учинить и доноситель бы во взятыхъ домахъ грабежа не учинилъ же; и въ тѣхъ домахъ, гдѣ взяты будутъ подозрительные люди, велѣтъ оставлять караулъ по два человѣка солдатъ и смотрѣть, чтобы изъ того дому чего вывезено не было; также и доносителю какъ во взяткахъ и

въ грабежахъ и въ разореніяхъ небыть послушнымъ, ибо отъ онаго доносителя изъ дому его караульной явился въ поддорожномъ намѣреніи отбоѣ подозрительнаго человѣка, по томъ по слѣдствію въ сыскомъ приказѣ, по повинкѣ его, отосланъ на военный судъ, изъ чего видны онаго доносителя неправдивые поступки, за что и прежде учинено съ нимъ было по указамъ»...

Д. Мордовцевъ.

НИКОЛЬСКИЙ УѢЗДЪ И ЕГО ЖИТЕЛИ.

I.

удба закинула меня въ вологодскую губернію, въ городъ Никольскъ, на рѣкѣ Югѣ; здѣсь я провелъ два года и имѣлъ случай познакомиться съ жизнью мѣстныхъ крестьянъ.

По характеру природы и промышленности никольскій уѣздъ можно раздѣлить на три неравныя части: восточную—по системѣ р. Вохмы, западную—по системѣ р. Кемы и сѣверную—по р. Югу и его притокамъ. Первые двѣ рѣки принадлежатъ къ волжскому бассейну, а послѣдняя—къ двинскому; по срединѣ проходитъ водораздѣлъ, направленіе котораго, въ средней своей части, вдается къ югу. Этотъ водораздѣлъ сильно разобщаетъ намѣченныя нами части уѣзда, онъ покрытъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ, преимущественно еловымъ, почва его болотистая. Мѣстами на водораздѣлѣ за-

легаютъ большія открытыя болота, проходимыя только для пѣшеходовъ, и то въ извѣстное время года. Самыя большія изъ нихъ называются: Сокольское—къ западу отъ г. Никольска, въ вершинахъ рѣкъ Лундонги и Кипшенъги, и Золотавинское—къ сѣверовостоку отъ Никольска, въ вершинахъ р. Юга. Дремучіе болотистыя лѣса, покрывающіе водораздѣлъ, извѣстны у мѣстныхъ крестьянъ подъ именемъ Сузѣма. Черезъ сузѣмъ въ предѣлахъ никольскаго уѣзда ведутъ только одиннадцать дорогъ, которыя называются здѣсь волоками; они соединяютъ сѣверную опушку сузѣма съ южною или—что тоже—ведутъ изъ двинской системы въ волжскую*). Изъ этихъ одиннадцати волоковъ только два колонизованы, именно—ведущіе изъ д. Подболотья въ село Андреевское и изъ Пермаса въ деревню Андангу; остальные пустынные, не

*) Вотъ перечень этихъ волоковъ: 1) изъ деревни Подболотья на р. Шарженьгѣ въ село Андреевское на рѣкѣ Юзѣ, 2) изъ деревни Иванъица на р. Кипшенъгѣ въ деревню Демино на р. Кемѣ, 3) изъ деревни Карныша на р. Кипшенъгѣ въ дер. Демино, 4) изъ деревни Карныша въ деревню Каино, 5) изъ деревни Карныша въ деревню Ваданка на р. Лундонгѣ, 6) изъ деревни Кудонги въ де-

ревню Ваданку, 7) изъ деревни Кудонги на д. Родино на р. Межѣ, 8) изъ деревни Ширей до перваго починка на р. Пыштюгѣ, 9) изъ деревни Пермаса на р. Югѣ въ д. Анданга на р. Вочѣ, 10) изъ деревни Кумбисера черезъ болото золотавинское до починка Хайрузово, и 11) изъ Тихонскаго монастыря на р. Вохмѣ на р. Енталу.

смотря на то, что нѣкоторые, какъ, напримѣръ, волокъ на р. Енталу, имѣютъ около 60 верстъ; нѣкоторыя дороги проходимы только пѣшеходами и тогда называются тропами; а волокъ или тропа на деревню Баданку проходимъ только зимою на лыжахъ.

Со временемъ, подробныя этнографическія изслѣдованія укажутъ точнѣе, въ какой степени велико разъединяющее вліяніе сузѣма на земли, лежація по ту и другую его сторону; но и при бѣгломъ знакомствѣ съ краемъ можно замѣтить разницу между различными частями никольскаго уѣзда. Вохомскій край представляетъ больше сходства съ вятскою губерніей, — это самый хлѣбородный уголокъ уѣзда; отсюда зимой тянутся хлѣбные обозы на Никольскую пристань на р. Югѣ, отсюда распространяются на остальные части никольскаго уѣзда лучшія породы хлѣбныхъ растений, этотъ край — единственный въ уѣздѣ, гдѣ существуетъ пчеловодство; здѣсь употребляется особая соха, — та же, что и въ вятской губерніи, но неизвѣстная въ другихъ частяхъ никольскаго уѣзда. Населеніе на р. Кемѣ представляетъ сходство съ костромскою губерніей; главный промыселъ здѣсь лѣсной, т. е. рубка лѣса и сплавъ его по р. Унжѣ на Волгу, а также дегтярное производство; въ послѣднее время здѣсь основанъ и древесно-перегонный заводъ. Замѣчательно, между прочимъ, что только въ этой части уѣзда крестьяне употребляютъ крошни, крестьянскій сакъ-вожъ для хлѣба, сдѣланный изъ рѣдной сѣти, прикрѣпленной къ круглому берестяному дну; въ другихъ же частяхъ уѣзда крошни замѣняются берестяными кузовами и пестерями. Наконецъ, населеніе по Югу представляетъ переходъ къ устюжскому уѣзду; здѣсь главное производство — лёнъ *).

Итакъ, большая часть пространства уѣзда занята казенными лѣсами или сузѣмомъ, и колонизація внѣдряется въ сузѣмъ только вдоль рѣкъ; вдоль большихъ рѣкъ, какъ, напримѣръ,

*) Ни вохомскаго края, ни кемскаго, я не видалъ и знаю объ нихъ только по рассказамъ; въ остальной части, какъ очевидецъ, я знакомъ собственно съ краемъ, лежащимъ на западъ отъ г. Никольска, вдоль рѣки Шарженьги.

Юга, лѣсъ расчищенъ больше, на маленькихъ же рѣчкахъ сузѣмъ начинается тотчасъ за краемъ пахатнаго поля. Близъ береговъ рѣкъ сосредоточивается все разнообразіе животной и растительной жизни; здѣсь озера съ рыбой и ракушками, водяная птица, мелкіе звѣрьки и волкъ, въ глубинѣ же сузѣма живутъ только крупныя животныя — медвѣдь, лось; въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ въ глуши сузѣма водятся еще стада сѣверныхъ оленей.

Лѣсной характеръ страны и отсутствіе частыхъ сношеній съ сосѣдями отражается на образѣ жизни населенія; главные черты этой жизни — малыя матеріальныя потребности и почти полное отсутствіе духовныхъ. Крестьяне живутъ здѣсь въ очень большихъ избахъ, въ устройствѣ которыхъ разомъ видно и обиліе лѣса, и отсутствіе развитія торговли: снаружи избы смотрятъ цѣлыми сараями, и тѣмъ поразительнѣе кажется малая величина оконъ; косящатыя окна здѣсь рѣдкость; — обыкновенно огромная изба освѣщается тремя — четырьмя полуаршинными окошечками, такъ что въ избѣ бываетъ полутьма. Нѣкоторые приписываютъ это желанію крестьянъ сберечь побольше тепла въ избѣ, другіе же объясняютъ дороговизной стекла. Здѣшняя изба замѣчательна еще тѣмъ, что при постройкѣ ея не употребляется ни одного желѣзнаго гвоздя — опять вслѣдствіе высокихъ цѣнъ на желѣзо. Большая часть избъ курныя, полъ обыкновенно грязный и моется только два или одинъ разъ въ годъ передъ Пасхой. Мебель въ избѣ состоитъ только изъ лавки, идущей вдоль стѣнъ, стола и скамейки; отецъ семейства, плетущій лапотъ, или загибающій туесъ, располагаясь передъ лавкой, употребляетъ для сидѣнья простой чурбанъ; ни кроватей, ни постелей нѣтъ, спать на полу на соломѣ; у нѣкоторыхъ изъ соломы сплетены грубые маты, и только у богатыхъ крестьянъ, и то въ послѣднее время, стали входить въ употребленіе постели, набитыя оленьимъ волосомъ, и подушки, набитыя болотною пушицей (*eriophorum*).

Относительно одежды прежде всего слѣдуетъ отмѣтить сильный контрастъ между праздни-

ною одеждою и тою, которую носить въ будни; въ праздникъ къ обѣднѣ здѣшніе жители одѣваются довольно нарядно: суконныя шубы на мужчинахъ и женщинахъ, цвѣтныя рубахи и сарафаны, большіе платки или шерстяныя шали на головахъ у женщинъ; въ такомъ нарядѣ народъ преобладаетъ надъ сѣрымъ скромнымъ зипуномъ, когда народная толпа стоитъ въ церкви. Но дома, въ избахъ, тѣже люди ходятъ въ грязномъ и бѣдномъ платьѣ и, сберегая хорошее, сшитое изъ фабричныхъ издѣлій, носятъ самодѣльщину, мужчины—синюю крашеннинную рубаху, женщины—синій крашеннинный сарафанъ, а на ногахъ, вмѣсто праздничныхъ сапоговъ—берестяные лапти. Бѣлье моется не болѣе пяти разъ въ годъ, въ томъ числѣ его два раза бучать, но мыла при мытьѣ употребляется очень мало. Въ баняхъ моются тоже безъ мыла. Въ деревняхъ нѣтъ ни зеркалъ, ни нолотенцевъ, утираются какою-нибудь тряпичей, старою рубахою и проч. По этому поводу здѣсь рассказываютъ такой анекдотъ: «Чѣмъ у васъ утираются?» спросилъ одинъ прохожій челоѣкъ у крестьянскаго мальчика, умывши лицо. «Отецъ рукавомъ, мама подоломъ, а я и такъ сохну», отвѣчалъ мальчикъ.

Украшенія дѣвушекъ состоятъ изъ нашейниковъ, связанныхъ изъ бисера въ видѣ отложнаго воротничка и надѣваемыхъ на шею, и серегъ, послѣднія—цѣною въ три, въ пять, или въ десять копѣекъ. Часто въ серьги вставляются жировыя железы, вырѣзанныя у дикихъ утокъ: высохнувъ, онѣ сильно «распушаются»; это украшеніе называется п у ш ка м и: «пунки золотыя ушки»,—говоритъ здѣшняя поговорка.

Но если потребление фабричныхъ издѣлій здѣсь такъ незначительно, что они появляются на крестьянахъ только въ праздникъ (исключая платковъ на головахъ женщинъ), за то самодѣльною одеждою здѣшніе крестьяне вообще богаче, сравнительно съ сосѣдями, на примѣръ, съ костромичами. Здѣсь не встрѣчается, какъ въ костромской или нижегородской губерніи, чтобы нѣсколько членовъ семьи имѣли одну шубу; здѣсь у каждаго маленькаго ребенка есть

своя шубенка. Какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ употребленіе фабричныхъ издѣлій не распространено, измѣненія въ костюмѣ здѣсь едва замѣтны. Тѣмъ не менѣе, старики рассказываютъ, что и здѣсь на ихъ вѣку перемѣнилось нѣсколько модъ; такъ, на примѣръ, прежде въ деревняхъ около Никольска женщины носили на головахъ сороки, какія и теперь еще носятъ на Кемѣ; сороки смѣнили шамшуръ, а шамшуръ, въ настоящее время, смѣняются дерешками. Сарафаны не синили въ покупной кубовой краскѣ, а окрашивали въ краснобурый цвѣтъ домашнею краской, которую варили изъ какого-то растенія.

Пища здѣшнихъ крестьянъ отличается, во-первыхъ, преобладаніемъ растительныхъ элементовъ, во-вторыхъ, значительнымъ процентомъ дикихъ произведеній, взятыхъ прямо у природы. Больше половины года, какъ вездѣ въ Россіи, проходитъ здѣсь въ постахъ. Въ это время обѣдъ состоитъ изъ слѣдующихъ блюдъ: рѣдька съ квасомъ, соленые грузди и волнухи, разведенные водою или вареные, (такъ называемая грибница), брусника и толокно, подмѣшиваемое, въ видѣ приправы, къ первому и послѣднему блюду. Если нѣтъ толокна, подмѣшиваютъ просто овсяную муку, которая очень горька на вкусъ. Соленые рыжики, вмѣсто груздей и волнухъ, составляютъ ужъ изысканность и встрѣчаются, какъ постоянная пища, только у людей зажиточныхъ. У этихъ послѣднихъ употребляется еще соленая рыба—уха изъ трески или сайды и сельди. Рыба эта привозится изъ Архангельска; вся она готовится не чисто и отличается отвратительнымъ запахомъ; сельди лѣтомъ даже загниваютъ и червивѣютъ. Чтобы охарактеризовать областную особенность здѣшней пищи, можно сказать, что въ нее сравнительно больше, чѣмъ въ другихъ областяхъ, входитъ овса и ячменя, очень мало пшеницы, мало жировъ и много брюквы, грибовъ и брусники; нужно замѣтить еще, что здѣшній край служитъ южною границей потребления бѣломорскихъ рыбъ: трески, сайды, сельдей. Овесъ здѣсь потребляется въ видѣ жидкой кашицы, которую называютъ щ а м и и ѣдятъ простуже-

пою; капусту садятъ здѣсь мало и не квасятъ ее, а потому не знаютъ настоящихъ щей и ѣдятъ капусту пареною. Кромѣ щей, изъ овса дѣлаютъ кисель, который варятъ посредствомъ каменныхъ камней, и блины, которые въ насмѣшку называютъ колючими, потому что въ блинахъ замѣтнѣ шелуха отъ зерна, которая остается въ здѣшной мукѣ и щекочетъ горло при глотаніи. Изъ ячменя, кромѣ каши, дѣлаютъ хлѣбъ и пироги. Вообще, можно принять, что ржи здѣсь потребляется въ пищу 57% изъ всей массы зерноваго хлѣба, овса 23%, гороху и ячменю по 8% и пшеницы по 4%. Пшеничный хлѣбъ для здѣшнихъ крестьянъ такой же дорогой и чужеземный продуктъ, какъ въ другихъ мѣстахъ рисъ; кутю здѣшніе крестьяне дѣлаютъ изъ размоченныхъ базарныхъ кренделей. Изъ овощей нужно упомянуть галанку или галаху (брюкву), которая въ большомъ количествѣ сѣдается, или сырая, или пареная. Огурцы здѣсь совсѣмъ неизвѣстны; ихъ покупаютъ только городскіе жители, а крестьяне находятъ ихъ совсѣмъ не вкусными. Грузди составляютъ значительный процентъ въ здѣшней крестьянской пищѣ, нѣкоторые семейства насаливаютъ ихъ на одну зиму до 20 ведеръ. Брусника составляетъ непрѣмное заключеніе каждаго постнаго обѣда, ея у никольскихъ мѣщанъ на двухъ человѣкъ выходитъ 1½ ведра, у крестьянъ же гораздо болѣе. Въ скоромные дни употребляется мясо и кислое молоко (то есть, кислый творогъ). Последній готовится такъ: творогъ, свернутый изъ молока посредствомъ нагрѣванія, сваливаютъ ежедневно въ одну кадъ, гдѣ онъ накапливается и закисаетъ. Маса употребляется сравнительно мало, но за то здѣсь чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, на столѣ крестьянина является ляти-тина, то есть, дичь: зайцы, утки, тетерьки, рябчики. Приправы, кромѣ перца и лука, неизвѣстны, уксусъ—также. Чай пьютъ богатые по воскресеньямъ. Кромѣ ягодъ и грибовъ, изъ дикихъ растительныхъ продуктовъ слѣдуетъ упомянуть пистикки (хвощъ, *eguisetum*) и сосновый сокъ, то есть, молодой весенній сосновый лубъ. Пистикки ѣдятъ только дѣти; они

каждую весну отправляются на ржаное поле разсынаются по немъ и ищутъ только что выступившія головки хвоща, напѣвая: «Пистикъ, пистикъ, выяви головку къ намъ на дорожку!» Когда бываетъ урожай пистиковъ, дѣти возвращаются домой съ полными платками. Пистикки поѣдаются сырые, но иногда изъ нихъ дѣлаютъ пироги; въ бѣдныхъ семействахъ, въ городѣ Тотмѣ, матери иногда въ теченіи цѣлыхъ семи дней, пока пистикки не застарѣли, не кормятъ дѣтей ничѣмъ другимъ, кромѣ пистиковъ. Сокъ сочатъ ходятъ въ лѣсъ не только дѣти, но и взрослые; это обыкновенно бываетъ лишь разъ въ годъ, весной; тогда изъ деревень и изъ города Никольска выходятъ партіи сочильщиковъ и сочильщицъ, какъ осенью—партіи за грибами; тутъ можно встрѣтить и дѣвочку лѣтъ 10 съ большимъ топоромъ, заткнутымъ сзади за поясомъ, и никольскую купчиху, и гимназиста. Сокомъ называются длинныя ленты луба, который сдираютъ съ молодыхъ сосенъ; для этого сосенку срубаютъ въ комлѣ и снимаютъ съ нея верхнюю кору, затѣмъ срѣзываютъ слой луба длинными полосами, которые складываются въ туюсь. Весь этотъ процессъ описывается въ мѣстной загадкѣ: «Взлѣзу на горушку, обдеру телушку, кожу сброшу, сальце съѣмъ!» Сокъ не всегда бываетъ одинаково сладокъ, въ сухіе годы онъ смолистъ и горекъ, въ мокрые водянистѣе и сахаристѣе.

Нельзя обойти молчаніемъ еще одну особенность этихъ жителей сузѣма; сузѣмъ можно назвать отечествомъ пива, справленіе праздниковъ и свадебъ здѣсь замѣтно отличается отъ костромскаго обыкновенія; въ костромской губерніи къ свадьбѣ готовится не болѣе 20 ведеръ пива, здѣсь варятъ его по 200 ведеръ, за то меньше прикупаютъ къ нему водки. Какъ во всѣхъ пивныхъ странахъ, праздники здѣсь проходятъ мирно, безъ шума и дракъ. Кромѣ свадебъ и отдѣльныхъ случаевъ, когда пиво варитъ одна семья, здѣсь въ обыкновеніи варить пиво складчиной изъ нѣсколькихъ хозяевъ, даже цѣлою деревней, или, наконецъ, цѣлымъ приходомъ. Каждый приходъ имѣетъ два храмовыхъ праздника, зимой и лѣтомъ; въ оба

праздника весь приходъ одновременно варить пиво и это называется «братчиной» (въ тѣ лѣтніе праздники, которые приходятся во время полевыхъ работъ, пива не варятъ). Такимъ образомъ, Лоха (жители по р. Лохѣ) варить лѣтнее пиво въ Покровъ, а зимнее въ Введение, Кипшеньга — зимнее въ Рождество, лѣтнее въ Троицу, Ляменьга — зимнее въ Николу. Пиво здѣшніе крестьяне варятъ изъ ржи въ особыхъ поварняхъ; мѣстами есть артельные котлы, а гдѣ нѣтъ артельныхъ, тамъ владѣлецъ котла не отказываетъ въ немъ своимъ сосѣдямъ: очень часто встрѣчаются въ деревняхъ большія деревянные братины для наливанья пива, сдѣланныя изъ цѣльнаго куска древеснаго корня.

II.

Скажемъ нѣсколько словъ и о духовной культурѣ жителей сузѣма. Какъ и слѣдуетъ ожидать отъ сейчасъ описанныхъ условій внѣшняго быта, никольскій крестьянинъ владѣть едва зародышами образованности. Никольскій уѣздъ, если и не самый безграмотный въ Россіи, то, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ самыхъ безграмотныхъ. При первомъ же знакомствѣ съ нимъ, вы замѣчаете, что имѣете дѣло съ людьми, у которыхъ примитивныя нравы и понятія, вы чувствуете себя, какъ будто въ странѣ, которая только что оставила звѣроловство и язычество; христіанскія идеи здѣсь не такъ глубоко проникли въ массу, какъ это замѣчается въ тѣхъ русскихъ областяхъ, которыя раньше другихъ приняли ученіе Христово и которыя еще до принятія христіанства, можетъ быть, въ продолженіе многихъ вѣковъ, имѣли постоянныя сношенія съ народами христіанскими; рѣдко услышите вы здѣсь христіанскую легенду, зато демонологъ соберетъ обильную жатву. Здѣсь пишутъ на лоскуткахъ бересты прошенія лѣшимъ и приколачиваютъ ихъ въ лѣсу; такія прошенія пишутся, если у кого потеряется лошадь и если подозрѣваютъ въ конокрадствѣ самого лѣшаго; при томъ не всякій грамотный человѣкъ считается мастеромъ писать подобныя прошенія; нужно, чтобы лѣшему было ди-

пломатично замѣчено, что онъ виновникъ пропажи, а не сказано прямо, что его подозрѣваютъ въ воровствѣ, — иначе онъ можетъ обидѣться. Здѣсь легко встрѣтиться съ человѣкомъ, видѣвшимъ негоднаго, или съ колдуномъ, или даже съ потомкомъ негоднаго, потому что послѣдніе живутъ съ женщинами. Бываютъ крестьяне, друзья лѣшаго, которые цѣлыя ночи просиживаютъ вдвоемъ съ нимъ за пивомъ. Колдуны, по здѣшнему опасныя, встрѣчаются здѣсь чуть не въ каждой деревнѣ; они не скрываются и пользуются большимъ почетомъ, какъ шаманы у дикарей; во время свадебнаго пира ихъ сажаютъ на самое почетное мѣсто — въ передній уголъ, такъ что женихъ и невеста занимаютъ уже второе.

Безпомощность безграмотнаго народа обнаруживается здѣсь на каждомъ шагу. Плотники и артельщики не могутъ раздѣлить между собою рабочей платы и приглашаютъ для того грамотнаго, которому покупаютъ водки. Сѣнокосы дѣлятъ шестомъ, обрѣзая его до тѣхъ поръ, пока онъ не уляжется вдоль пожни, сколько разъ требуется. Случается, что шестикъ уже очень много обрѣзали, тогда его бросаютъ и вырубаютъ новый: и съ тѣмъ такая же исторія, пока не получатъ шестикъ надлежащей длины, то есть, такой, который укладывается по сѣнокосу именно столько разъ, на сколько душъ слѣдуетъ его раздѣлить. Былъ когда-то въ одной деревнѣ кузнецъ, который умѣлъ, только разъ прошедши шестомъ сѣнокосъ, сразу отрѣзать отъ шеста столько, сколько нужно; но тайну эту геній-кузнецъ унесъ съ собою въ могилу. Отсутствие мѣръ — одна изъ характеристическихъ чертъ здѣшняго населенія: о десятинѣ здѣсь не имѣютъ понятія; изъ мѣръ площади называютъ иногда гонъ, но что это такое? трудно добиться — одинъ крестьянинъ вамъ объяснить, что это разстояніе «вотъ отсюда до того забора»; другой скажетъ, что это значитъ «столько, сколько съ сохой пройдешь». Великою времени служить уповодъ, который тоже мѣра очень неопредѣленная, основанная на чувствѣ утомленія отъ работы. Сажень, вершокъ, мѣры хотя и извѣстныя, но слишкомъ

абстрактныя для здѣшняго крестьянина; для опредѣленія толщины и высоты онъ охотнѣе употребляетъ конкретныя мѣры—такъ, при вопросѣ о толщинѣ какого-нибудь ствола, онъ ищетъ глазами въ комнатѣ какую-нибудь цилиндрическую подходящую форму и говорить: «вотъ въ эту мѣту». Снѣгъ у него ложится на землю не на вершки, а «въ воробья», «въ сидячу курицу», «въ сидячу собаку».

До какой степени здѣшніе жители имѣютъ темное понятіе о значеніи письменныхъ знаковъ, свидѣтельствуетъ то, что даже въ городахъ иногда должники вручаютъ своимъ займодавцамъ, вмѣсто залога рублей за 50 и болѣе, планъ на домъ, выданный изъ губернской чертежной; планъ этотъ стоитъ всего 1 р. 50 к.; очевидно, простодушные должники суевѣрно отождествляютъ судьбу плана и дома, подобно тому, какъ дикари вѣрятъ въ связь между портретомъ и подлинникомъ.

Въ Никольскѣ я былъ знакомъ съ двумя семействами малороссовъ, сосланными сюда изъ харьковской губерніи. Это знакомство дало мнѣ случай сравнить жителей сузѣма съ жителями отдаленнаго юга; я воспользуюсь здѣсь этимъ сравненіемъ, чтобы лучше отгѣнить особенности здѣшняго населенія. Малороссовъ больше всего поражало трудолюбіе здѣшнихъ жителей; они смотрѣли не съ уваженіемъ на эту черту, а съ сожалѣніемъ, считая здѣшнихъ крестьянъ за несчастныхъ людей, которые живутъ въ такой бѣдной странѣ, гдѣ земледѣлецъ долженъ «назмить» свою землю, гдѣ каждую пядь новой земли нужно расчищать изъ-подъ лѣсу. Сколько трудовъ, которыхъ не знаютъ земледѣльцы юга, сколько навозной грязи и сажі, въ которыхъ крестьянинъ долженъ выпачкаться при возгѣ навоза и при «катаньи валковъ!» И при всемъ томъ земля вознаграждаетъ земледѣльца очень скудно: нѣтъ фруктовъ, пшеница черная, хлѣбъ пекутъ ячменный, сѣнокосъ безтравный, изба большая, но потолокъ покрытъ сажей, а полъ толстымъ слоемъ грязи; платье пропитано дымомъ и запятнано навозомъ; руки обожжены; грязь и сажа вѣблись въ трещины и складки кожи. Малороссовъ удивляло неуваженіе здѣш-

нихъ жителей къ праздникамъ; они считали ихъ мало набожными за то, что тѣ работали иногда въ воскресенья, торопясь убрать овощи; здѣшний предразсудокъ, что рожь только тогда и родится хорошо, если посѣять ее хоть одну горсть, хотя подъ вечеръ въ праздникъ, казался имъ самымъ дерзкимъ оскорбленіемъ религіи. Однажды, проходя черезъ деревню, мы увидѣли старушку, шедшую черезъ улицу; она пересѣкла дорогу ѣхавшему по улицѣ возу, шагахъ въ 30 или 40 впереди его. По мнѣнію малороссовъ, она сдѣлала очень дурно; она должна была подождать, пока не пройдутъ люди, будь тутъ хоть цѣлый обозъ. Такая трата времени на пустые обряды не мыслима на сѣверѣ, гдѣ требуется усиленный и спѣшный трудъ, потому что лѣто коротко. Народъ сузѣма, въ сравненіи съ этими жителями юга, казался мнѣ болѣе энергичнымъ, болѣе трудолюбивымъ и гораздо бѣднѣе обрядами, увеселеніями и играми. Сравнивая малороссовъ съ мѣстными жителями, видно было, что первые—уроженцы страны, которая давно приняла христіанство и вообще находилась вблизи древней цивилизаціи. Мои знакомые были неграмотны, и тѣмъ не менѣе отецъ передавалъ своимъ дѣтямъ много легендъ о Дѣвѣ Маріи, о Ноѣ, о Іосифѣ и т. под., о чемъ жители сузѣма не имѣютъ никакого понятія. Малороссы не употребляли площадной брани въ присутствіи своей дочери, тогда какъ у никольскихъ жителей подобную брань можно услышать изъ устъ дѣтей, потому что отцы и взрослые братья употребляютъ ее, не стѣсняясь присутствіемъ женщинъ, или дѣтей. Про дѣвицъ они говорятъ: «у дѣвицъ уши заткнуты серебромъ», то есть, серьгами. Я встрѣчалъ здѣсь семилѣтнихъ дѣтей, которыя уже были въ состояніи рассказывать скверныя анекдоты и ругать отцевъ и матерей нескромною бранью; дѣти малороссовъ, которыхъ я зналъ, были, напротивъ, воспитаны нравственно и стыдливо. Здѣшніе дѣти воспитываются иначе, или, лучше сказать, здѣсь нѣтъ никакого воспитанія. Они воспитываются жизнью, въ обществѣ большихъ. Ничто отъ нихъ не скрывается: ни слова, ни дѣла, ни страсти. Поэтому они скоро все знаютъ, рано становятся

серьезными. Со старшими они держатся на равной ногѣ, и старшіе относятся къ нимъ съ меньшею суровостью, чѣмъ это замѣчается въ областяхъ къ югу отъ сузѣма. Здѣсь я не замѣчалъ того отцовскаго деспотизма, какой существуетъ въ другихъ великорусскихъ краяхъ, въ особенности, гдѣ сохранился родовой бытъ, и семьи живутъ, не дѣлясь. Мнѣ рассказывали объ одной семьѣ въ ярославской губерніи, которая состояла изъ 30 взрослыхъ членовъ и 30 малолѣтнихъ и жила подъ деспотическимъ управленіемъ сто-двадцатилѣтняго дѣда. Вся семья помѣщалась въ одномъ деревянномъ домѣ; сыновья занимались торговлей подъ строгимъ контролемъ главы семьи; сынъ не смѣлъ купить своей женѣ даже пряника; онъ докладывалъ о своемъ желаніи отцу, и тотъ покупалъ разомъ для всѣхъ снохъ ситцу или платковъ непременно одинаковой цѣнности. Обѣдали въ три стола: первый столъ—мужики, второй—бабы, третій—дѣти. Старикъ обѣдалъ съ дѣтьми и садился въ концѣ стола съ плетью въ рукѣ; шалунъ и послушникъ тутъ же получалъ воздаяніе. Конечно, при такомъ воспитаніи дѣти должны очень поздно развиваться; мужчина лѣтъ тридцати, женатый, имѣющій дѣтей, при такихъ порядкахъ знаетъ только отвезти проданный отцемъ хлѣбъ по назначенію и вообще исполнять только приказанія, не имѣя права ни располагать работы по своему усмотрѣнію, ни распорядиться имуществомъ. Такое деспотическое воспитаніе оставило по себѣ память въ народномъ названіи растенія дѣдовникъ (*cirsium*), которое своими колючками кровавитъ руки жнецовъ и которое также называется татарникомъ, мордовникомъ и царь-травой.

Въ никольскомъ уѣздѣ, какъ я сказалъ уже, я не замѣтилъ такого отцовскаго деспотизма; напротивъ, здѣшніе отцы съ большею нѣжностью относились къ своимъ дѣтямъ, чѣмъ знакомые мнѣ малороссы, которые держали своихъ дѣтей въ страхѣ; я видѣлъ даже, какъ одинъ изъ этихъ пришельцевъ ударилъ своего трехлѣтняго сына розгой по головѣ; вообще дѣти этихъ малороссовъ были скромны и пугливы.

Въ сузѣмѣ уже дѣти очень рано пользуются самостоятельностью, блуждаютъ по цѣлымъ днямъ въ лѣсу; вмѣшиваются въ разговоры большихъ, и въ обращеніи ихъ со старшими совсѣмъ нѣтъ признаковъ подчиненности. Часто мнѣ случалось быть свидѣтелемъ, какъ десятилѣтнія дѣти подшучивали надъ взрослымъ, острили по поводу его уличнаго имени, и тотъ нисколько не обижался этимъ. Во время картежныхъ игръ на игрищахъ, дѣти присутствуютъ тутъ же, пристраиваются къ играющимъ и иногда даже участвуютъ въ игрѣ; пляска даже начинается нерѣдко мальчикомъ лѣтъ десяти, къ которому присоединяются потомъ болѣе и болѣе взрослые, пока, наконецъ, въ составъ пляски не войдутъ всѣ присутствующіе. Такъ какъ семья здѣсь смотритъ на ребенка, какъ на работника и рано начинаетъ эксплуатировать его, то и ребенокъ начинаетъ рано цѣнить свой трудъ и предъявлять свое право на участіе въ распоряженіи имуществомъ. Здѣсь бываетъ скупка тряпья для писчебумажныхъ фабрикъ; тряпье покупается нынѣ по 2 коп. за фунтъ и отправляется въ Макарьевъ на Унжѣ; сдаютъ его бабы, но чаще ребята,—парень собираетъ тряпье по своему дому, не спрашивая никого, и бѣжитъ къ скупщику; родители видятъ это, но не возражаютъ, говоря: «надо же ему на что нибудь купить пряниковъ».

Игры дѣтскія здѣсь не представляютъ того разнообразія, какъ на югѣ или востокѣ европейской Россіи. У десятилѣтнихъ дѣтей я нашелъ игры въ лапту, въ шаръ, въ бабки и вычигиванье (выбиванье изъ круга) чижъ а. Въ играхъ въ лапту и шаръ принимаютъ участіе и взрослые парни; въ праздники, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, на какой-нибудь опредѣленной площадкѣ подлѣ деревни, происходитъ игра, въ которой участвуетъ все молодое поколѣніе деревни. И въ самомъ дѣлѣ, игры здѣшнихъ дѣтей скорѣе игры юношескія, имѣющія цѣлью развитіе вѣрность глаза и силу руки. Замѣчательна въ этомъ отношеніи игра въ шаръ; деревянный шаръ бросается вверхъ, и играющіе попадаютъ въ него въ летъ палкой. Мнѣ говорили, что здѣшніе охотники-бѣлковщики поль-

зуются иногда приобретаемымъ въ этой игрѣ искусствомъ и убиваютъ бѣлку, бросая въ нее палкой въ то время, когда она перепрыгиваетъ съ одного дерева на другое. Это называется бить бѣлку «рукомашнымъ» способомъ.

Вообще, мнѣ кажется, что здѣсь въ суземѣ значеніе человѣку придаетъ единственно трудъ; другія же качества, какъ, напримѣръ, старость и сопряженный съ нею опытъ, здѣсь не имѣютъ того значенія, какимъ они пользуются въ другихъ мѣстахъ. Какъ только ребенокъ начинаетъ трудиться, онъ уже превращается въ равноправнаго члена семьи; старикъ или старуха, потерявшіе силы и не работающіе уже наравнѣ съ другими, теряютъ свое первенствующее значеніе и обращаются въ простыхъ «казаковъ» и «казачихъ». Какъ только старикъ начинаетъ слабѣть силами, онъ уже не большакъ; большакомъ становится его сынъ, сынъ распоряжается домомъ, въ его рукахъ находятся деньги, онъ назначаетъ отцу дневную работу. Мнѣ случалось заставить въ избѣ одного старика безъ большаковъ и просить поставить самоваръ; и этого старикъ не смѣлъ сдѣлать, боясь, чтобы не осердились большаки.

— «Какъ же такъ, дѣдъ?» — спрашивалъ я такого домовника, — «вѣдь ты хозяинъ дома?»

— «Не я большакъ-отъ!» — отвѣчалъ онъ, растягивая конецъ.

— «Да хоть и не большакъ, но вѣдь домъ-то ты строишь?»

— «Изъ годовъ-то я вѣдь вышелъ. Не работникъ ужъ я. Ужъ меня не слушаются».

«Сядутъ пить чай», — рассказывалъ мнѣ одинъ такой развѣнчанный большакъ про свою нисходящую линію, — «пригласять — напьешься, а не пригласять — и такъ просидишь, только посмотришь! Скажешь что-нибудь, — тебя не спрашиваютъ, — отвѣчаютъ. Досадно, да ужъ молчишь!»

Обращаются здѣсь со стариками безцеремонно, даже обидно иногда; при мнѣ однажды отецъ-старикъ и его сынъ-большакъ стали куда-то одѣваться; сынъ подалъ отцу худую опояску, а себѣ оставилъ хорошую.

— «Не надо мнѣ эту», — сказалъ отецъ тихо, отодвигая опояску.

— «Все бы женихомъ одѣвался! Ну, на!» — сказалъ сынъ отцу и бросилъ ему съ сердцемъ другую опояску.

Положеніе стариковъ въ здѣшней общинѣ не завидное. Въ деревнѣ Зеленцовой есть одинъ старикъ, который, овдовѣвъ, остался съ сыномъ и двумя дочерьми; сначала старикъ жилъ у сына; работать онъ не могъ, и потому въ страду сынъ и хлѣба не оставлялъ ему, когда уходилъ съ женою въ поле. Старикъ принужденъ былъ уйти отъ сына и бросить домъ, въ которомъ самъ родился, или который самъ, можетъ быть, строилъ; одна дочь тоже ушла въ казачихи, другая жила у брата изъ-за хлѣба. Вообще домъ не даетъ здѣсь отцу никакого вѣса; — онъ не составляетъ его собственности, потому что строится помощью, сосѣдями, бесплатно; поэтому домъ въ деревнѣ — скорѣе общинное имущество, чѣмъ частное, и во время дѣлежа достаются всегда младшимъ сыновьямъ, по обычаю, слѣдовательно — помимо воли отца. Собственностью здѣсь признается только то, что приобретено трудомъ, и такая собственность уважается и вопреки писаному закону; я зналъ въ Никольскѣ одного домовладѣльца, которому по новой распланировкѣ достался участокъ земли съ колодеземъ, вырытымъ сосѣдомъ, прежнимъ владѣльцемъ участка. Новый владѣлецъ обнесъ свою землю заборомъ, но изъ уваженія къ мѣстнымъ обычаямъ долженъ былъ оставить въ немъ проходъ для сосѣда, и вообще колодезь остался въ полномъ пользованіи послѣдняго, какъ было до распланировки.

Такія отношенія между возрастами составляютъ противоположность съ тѣми, какія существуютъ на югѣ, напримѣръ, въ уральскомъ и донскомъ войскахъ, гдѣ міръ образуется изъ стариковъ: изъ нихъ составляется голосъ народа, они являются при случаѣ съ протестомъ за общество, неся передъ начальство прошенія на своихъ головахъ, и идутъ иногда въ ссылку, если интересы ихъ общины противорѣчатъ интересамъ общегосударственнымъ. Можно сказать, что на югѣ цензъ нервный, а здѣсь — му-

скудный. Может быть, и здѣшніе порядки имѣютъ свою хорошую сторону, во первыхъ, потому что представительство на сходкахъ принадлежитъ самому труду, а во вторыхъ, община менѣе упорна въ старыхъ обычаяхъ и податливѣе на нововведенія.

Еще печальнѣе въ здѣшнемъ краѣ положеніе старухъ. Старухи раньше отстаютъ отъ снохоса, чѣмъ отъ жатвы; я видѣлъ старухъ, которыя уже по 16 лѣтъ не ходятъ косить, но все еще жнутъ, если у большаковъ нѣтъ дѣтей; я видѣлъ старуху 70 лѣтъ, которая жала до поздняго вечера. «Стыдно будетъ безъ работы», — отвѣчала мнѣ она, когда я высказалъ ей свое удивленіе. «Сидишь дома, ничего не дѣлаешь, — скажутъ большаки. Дѣтей въ домѣ у насъ нѣтъ, нянчить некого».

Дѣти, то есть, внучата — это счастье для здѣшнихъ старухъ; гдѣ есть они, тамъ и житье старухъ сносное, потому что безъ нея пришлось бы нанимать пестунью. Одѣваются старики и старухи при помощи своихъ дочерей; сыновья же и ихъ жоны ихъ не одѣваютъ. Старуха придетъ, дочь ткеть, а старикъ «катитъ валки», то есть, приготовляетъ льнище. Если старуха овдовѣтъ, выдастъ послѣднюю дочь за мужъ и останется одна, она должна пробавляться старымъ льномъ и старымъ холстомъ. Ни выданная дочь, ни сноха, съ которою въ одномъ домѣ живетъ старуха, не одѣваютъ ее; подъ старость старухи конятъ ленъ и холстъ, какъ невѣсты къ свадьбѣ.

Положеніе женщины здѣсь, какъ и вездѣ, въ чисто земледѣльческихъ странахъ, незавидное; на женщину смотрятъ только, какъ на работницу; когда женятъ сына, говорятъ: «нажилъ казачиху». Здѣшняя женщина участвуетъ въ полевыхъ работахъ; она коситъ и жнетъ, но не пашетъ; только дѣвицы боронятъ, какъ частое исключеніе, однакожь, встрѣчаются вдовы, которыя пашутъ. Въ сельскихъ работахъ здѣшняя женщина мало уступаетъ мужчинамъ, и встрѣчаются такія вдовы, которыя берутъ надѣлъ и сами оплачиваютъ государственныя подати. Рабочая плата, однако, повсемѣстно для женщины менѣе. Казакъ въ Никольскѣ получаетъ за лѣто

отъ 30 до 15 р. и хозяйскую обувь и одежду, а казачиха только 10 р. безъ одежды. Мужская поденщина стоитъ 40 к. въ день, женская — 30 к. Положеніе женщины въ сосѣднемъ краѣ — въ бѣломорскомъ прибрежѣ, говорятъ, лучше; это, можетъ быть, потому, что здѣсь жена не дѣлитъ занятія мужа, а имѣетъ свои особыя занятія; освобожденная отъ участія въ однихъ работахъ съ мужемъ, она имѣетъ досугъ, вводитъ въ домъ чистоплотность, устраиваетъ горницу съ цвѣтами, обшиваетъ мужа пестрядинными рубашками и снабжаетъ его носовыми платками; она усложняетъ кухню, словомъ — становится специалисткой, мастерицей. Мужчина исподволь привыкаетъ къ комфорту и начинаетъ въ женщинѣ цѣнить именно способность создавать комфортъ. Тогда женщина приобретаетъ въ семьѣ, роль ея становится воспитательною, и въ ней возрастаетъ чувство собственного достоинства; мужчина уважаетъ ея спеціальныя знанія, въ которыхъ онъ, конечно, не можетъ съ нею соперничать.

Не то въ никольскомъ уѣздѣ, гдѣ женщина — простой кашеваръ, умѣющий только натереть рѣдкки да наболтать въ квасъ толокна или сварить самую безхитростную уху изъ трески, то есть, такія блюда, которыя сплошь и рядомъ варятъ сами мужики, когда соединяются въ рабочія артели на пристаняхъ и т. под., — гдѣ платье ея состоитъ изъ одного грязнаго сарафана, гдѣ она живетъ въ одной избѣ съ свиньями. Здѣсь она просто работница, а не совѣтница; здѣсь трудъ ея не отличается отъ мужскаго, рядомъ съ мужчиной она коситъ, катаетъ валки и варитъ нисколько не искуснѣе мужа; платье ея отличается отъ мужскаго только въ головномъ уборѣ, словомъ — здѣсь она «полу-мужичьё» и не отличается особымъ домашнимъ обиходомъ; здѣсь она должна соперничать съ мужчиной въ физическомъ трудѣ; а такъ какъ мускульныя ея силы, во всякомъ случаѣ, слабѣе, чѣмъ у мужчины, то послѣдній ясно сознаетъ, что накопленіе капитала производится больше имъ, чѣмъ его женой, и онъ смотритъ на нее, какъ на рабу.

Приданое здѣсь состоитъ только въ бѣльѣ и

платѣ, какое невѣста въ состояніи будетъ накопить до своей свадьбы; обыкновенно оно состоитъ изъ двухъ шубъ—«носящей» и новой, двухъ камзоловъ—«носящаго» и новаго, и до шести сарафановъ. Посуды не дается никакой, а равно и денегъ не бываетъ въ числѣ приданого. Въ Тотмѣ у мѣщанъ даютъ приданого до 40 и 45 р., которые издерживаются на справленіе свадьбы; но Тотма—городъ уже ремесленный; тамъ же, гдѣ жители состоятъ изъ однихъ крестьянъ, этого обычая нѣтъ.

Уселенія здѣшней крестьянской молодежи рѣдки и неразнообразны. Зимой дѣвицы собираются на бесѣдки и игрища; бесѣдки бываютъ ежедневно по вечерамъ, съ послѣднихъ чиселъ сентября—съ шитьемъ; съ третьей недѣли филиппова поста до второй недѣли великаго поста—съ пряжей. Это самыя обыкновенныя сборища, такъ что здѣшнія женщины, уходя изъ чужаго дома, прощаются обыкновенно словами: «къ намъ на бесѣдки». Для бесѣдки всѣ молодые люди деревни собираются въ одну избу; для этой цѣли избы, въ которыхъ есть дѣвицы, чередуются между собою понедѣльно; въ другихъ мѣстахъ нанимается постоянная изба; около Никольска бабы собираются въ отдѣльныя бесѣдки.

Здѣсь существуетъ обычай привозить къ себѣ во время мясоѣдовъ гостей; отецъ, у котораго есть дочери, привозитъ къ себѣ дѣвицу, конечно—родственницу, изъ чужой деревни, иногда верстъ за 30 и болѣе; дѣвицы эти гостятъ по недѣлѣ и по двѣ; во все это время гостя прядетъ на себя, а вечеромъ ходитъ на бесѣдки вмѣстѣ съ хозяйскою дочерью. Для дѣвицы это родъ отдыха отъ домашнихъ работъ и въ это время она дѣлаетъ самый большой заработокъ для себя. Родные дѣвушки считаютъ приглашеніе ея въ гости за почетъ, оказанный цѣлой семьѣ, и въ слѣдующій мясоѣдъ оплачиваютъ за него, приглашая сами дѣвицу изъ того дома, въ которомъ гостила ихъ дочь.

На бесѣдкахъ дѣвицы прядутъ и поютъ пѣсни, но плясокъ не бываетъ; сидятъ далеко за полночь, когда вся остальная деревня давно спитъ. Кромѣ бесѣдокъ, бываютъ игрища, но только разъ въ годъ, на Рождествѣ и святкахъ;

т. III. 76.

для этого дѣвицы съѣзжаются верстъ за 40 въ одну деревню; при этомъ деревни чередуются: одинъ годъ съѣздъ дѣвицъ бываетъ въ одну деревню, на другой—въ другую. На игрищѣ не работаютъ, а только пляшутъ съ молодцами. Въ городѣ Тотмѣ игрищъ не бываетъ, а вмѣсто нихъ бываютъ вечерки; въ какой-нибудь праздникъ мать-мѣщанка, желая потѣшить дочь, пуститъ къ себѣ вечерку; входъ доступенъ для всякаго, кто ни захотѣлъ бы войти; хозяйка только жжетъ свою свѣчку, дѣвицы и парни пляшутъ подъ пѣніе.

Самые обыкновенныя танцы въ Тотмѣ и Никольскѣ—французская кадрили, «заинька», «большой пѣтухъ», «чижикъ», «Груша», «ивушка» или «осьмерка» и т. п. Французская кадрили здѣсь очень обыкновенный танецъ не только въ городахъ у мѣщанъ, но и въ ближайшихъ къ городу деревняхъ; лѣтомъ ее танцуютъ здѣсь подъ открытымъ небомъ во время хорождовъ. «Заинька»—это polka tremblante, немного искаженная. Остальные танцы, скорѣе хорожды, забравшіеся въ избу, и различаются только пѣснями, подъ которыя пляшутся; исключеніе составляетъ «осьмерка», которую, вѣроятно, древніе колонизаторы Сибири изъ здѣшняго края занесли туда и распространили до Алтая и Камчатки. Распространеніе французской кадрили объясняется составомъ мѣстнаго общества; верхній классъ здѣсь состоитъ изъ лицъ, вышедшихъ изъ простаго народа; это—купцы или чиновники, имѣющіе въ средѣ простонародья своихъ родственниковъ. Той рѣзкой разницы, какая существуетъ въ другихъ мѣстахъ государства между верхнимъ и нижнимъ слоями общества, которые получаютъ свое образованіе въ отдѣльныхъ сословныхъ школахъ, здѣсь нѣтъ; съ одной стороны, богатый купецъ или чиновникъ мало отличается въ образѣ жизни отъ людей изъ простаго народа, и за столомъ перваго богача вы здѣсь встрѣчаете тѣже ячменные пироги и наливочки, какъ и въ крестьянской избѣ; дѣти его завтракаютъ тѣмъ же примитивнымъ блюдомъ—«повалихой», состоящею изъ горячаго тѣста, изъ котораго дѣти катаютъ сами на столѣ скалочки толщиной въ палецъ и

мечуть ихъ въ растопленное масло, какъ и деревенскія дѣти; съ другой стороны, все, что усваиваетъ этотъ выдающійся изъ народа классъ въ столицахъ, большихъ городахъ и на ярмаркахъ, быстро и легко передается въ народъ.

То же самое замѣчается и въ пѣсняхъ; въ подгородныхъ деревняхъ около Никольска поютъ много цыганскихъ пѣсенъ, и можно услышать въ искаженной редакціи даже «Хуторокъ» Кольцова. Музыку здѣсь очень любятъ, но единственный почти инструментъ—гармонія; здѣсь почти у каждого парня есть гармонія, а у нѣкоторыхъ бываетъ и по двѣ. Съ гармоніей парни ходятъ даже на работу и часто, во время жатвы, присѣвши отдохнуть, они берутся за гармоніи и наигрываютъ. Въ деревняхъ есть мастера, почипивающіе гармоніи и это занятіе довольно выгодное; на немъ зарабатываютъ рублей 20 въ мѣсяцъ.

Къ числу чертъ, характеризующихъ здѣшнее населеніе, слѣдуетъ отнести страсть къ картежной игрѣ. Старики не помнятъ, когда карты вошли въ употребленіе въ краѣ. Мѣстные жители сами рассказываютъ о себѣ такой анекдотъ: двое мѣстныхъ картежниковъ съиграли такую партію: — «Я мирю твой трѣшникъ, ставлю подъ тебя овечку». «А я смирилъ твою овечку, ставлю жену на годъ» (т. е. отдаю въ работницы). — «Ну, такъ я мирю твою жену, ставлю корову». Анекдотъ долженъ выразить, что здѣшніе картежники способны проигрывать женъ, которыхъ цѣнять дешевле коровы. Въ карты играютъ здѣсь каждое воскресенье и расплачиваются деньгами; разъ въ году, во время святокъ, когда у дѣвицъ бываютъ игрища, вмѣсто денегъ, употребляются лодыжки, и шесть паръ лодыжекъ продаются по 1 коп; эти закопѣлыя косточки хранятся отъ святокъ до святокъ и, переходя отъ игрока къ игроку, существуютъ лѣтъ по пятнадцати. Игра на лодыжки выгодна тѣмъ, что проигрышъ бываетъ не великъ. Если играютъ по лодыжкѣ, то проигрываютъ въ ночь не болѣе трехъ копѣекъ, тогда какъ, играя на деньги, пришлось бы при равныхъ шансахъ успеха проиграть около 36 к.

III.

При такомъ составѣ населенія, гдѣ всѣ классы состоятъ въ тѣсной и, частію, родственной связи между собою, самый городъ Никольскъ мало чѣмъ отличается отъ деревни. Въ немъ считается 1700 ж. обоего пола; весь городъ состоитъ изъ деревянныхъ домовъ; единственное каменное зданіе занято присутственными мѣстами; въ городѣ двѣ церкви, обѣ каменные; одна кладбищенская, другая—соборъ. Если прибавить къ этому рядъ деревянныхъ лавокъ, почтовую контору, острогъ, пожарную команду и частную аптеку, то вотъ и все, чѣмъ отличается Никольскъ отъ простой деревни. Первенствующее сословіе въ городѣ купцы; первенство это основано, впрочемъ, не на большей образованности, а на деньгахъ; поэтому все, что они вносятъ въ мѣстную жизнь, касается только внѣшней обстановки, а не міра идей, потому что образованіе, или лучше сказать, обученіе ихъ ограничивается только чтеніемъ, письмомъ и умѣньемъ считать на счетахъ. Еще менѣе образованы ихъ жены; ихъ значеніе ограничивается внесеніемъ новыхъ модъ, которыя отъ нихъ уже перенимаются чиновницами.

Журналъ, книга, музыка, не составляютъ потребности въ этомъ классѣ; случается, что тотъ или другой купецъ или купчиха выпишутъ какой-нибудь журналъ, но не для чтенія, а для обстановки; тоже самое слѣдуетъ сказать и о фортепьяно; въ городѣ ихъ нѣсколько, но тѣ изъ нихъ, которыя находятся въ домахъ купцовъ, по два, по три года стоятъ, не издавая звука, какъ не издаетъ его простая мебель; фортепьяно въ залѣ, журналъ на столѣ, медаль на груди хозяина, — отъ всего этого кажется какъ-то богаче въ домѣ, ожидается болѣе почета. Мѣриломъ уваженія къ наукѣ можетъ служить счисленіе времени; на чемъ оно основано въ Никольскѣ, никому не извѣстно; башенныхъ часовъ въ городѣ нѣтъ, на соборѣ сторожъ выбиваетъ часы въ колоколъ по часамъ, стоящимъ въ сторожкѣ, но эти часы невѣрны, и сторожъ передвигаетъ стрѣлку по солнцу на «самовзглядъ», какъ здѣсь говорятъ; передаютъ какую-то легенду о проѣзжемъ астрономѣ, который

будто-бы въ соборѣ начертилъ полуденную линію, но черта эта теперь стала предметомъ тщетныхъ розысканій.

Въ культурномъ отношеніи Никольскъ тяготеетъ къ Архангельску; туда никольскіе купцы посылаютъ своихъ дѣтей поучиться кое-какимъ обрывкамъ знанія, а мѣщане—сапожному и портняжному мастерству; вообще, городскія ремесла сюда распространяются изъ Архангельска, или еще изъ Устюга. Вліяніе запада и востока отличается особымъ характеромъ; изъ Костромы черезъ Кему въ никольскій уѣздъ наѣзжаютъ торговцы съ краснымъ товаромъ; изъ Вятки черезъ Вохму идутъ нововведенія сельскаго хозяйства. О заграничномъ мірѣ никольское общество не столько слѣдитъ по газетамъ, сколько по корреспонденціямъ агентовъ по хлѣбной торговлѣ, живущихъ въ Архангельскѣ. Въ этомъ отношеніи заграничная жизнь чувствуется здѣсь на столько, что и отъ подгородныхъ крестьянъ случается слышать разсужденіе, — англичанинъ-де увѣдомилъ, что у него еще цѣлъ запасъ хлѣба отъ прошлыхъ годовъ, и новаго закупа по этому не будетъ. Нѣкоторое оживленіе въ городскую жизнь внесло введеніе земскихъ учреждений; благодаря стараніямъ бывшей земской управы, городъ имѣетъ теперь небольшую публичную бібліотеку, больницу и двѣ школы—мужскую и женскую; нынѣшнее земство, кажется, менѣе внимательно къ дѣлу народнаго образованія.

Простой классъ въ городѣ дѣлится на два слоя — во-первыхъ, земледѣльцевъ, и во-вторыхъ, людей различныхъ профессій, ремесленниковъ, отставныхъ солдатъ и проч. Эти два слоя рѣзко отличаются въ образѣ жизни, въ одеждѣ и обычаяхъ. Городъ Никольскъ былъ переименованъ изъ погоста, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, но долго не увеличивался. Чтобы увеличить городское населеніе и умножить тѣмъ городскіе доходы, начальство распорядилось выселить въ городъ три сосѣднія деревни: Борисову, Мелентьеву и Вахрамееву. Крестьяне были переписаны въ мѣщане, а земли ихъ объявлены городскою собственностью. Крестьяне

переселились въ городъ и составили здѣсь три конца или улицы: мелентьевцы заселили мелентьевскій конецъ, вахрамеевцы—вахрамеевскій, борисовцы—вохсмскій; но, переселившись въ городъ, они все-таки остались земледѣльцами и сохранили вполнѣ свой бытъ; начальство принудило ихъ сдѣлать только одно измѣненіе: строить избы по бѣлому, съ тремя косячатыми окнами, и ставить повѣти отдѣльно, а не подъ общою крышей съ избой, какъ это дѣлается въ деревняхъ. Въ остальномъ они сохранили всѣ свои старые обычаи; внутри изба ихъ обставлена тѣми же лавками, какъ и въ деревенской избѣ; полъ такой же грязный; сами они одѣваются, по прежнему, въ кошули, а женщины въ сарафаны, тогда какъ у мѣщанъ и ремесленниковъ женщины ходятъ въ платьяхъ. Даже сборъ духовенству они платятъ не какъ мѣщане, а какъ крестьяне; мѣщане обыкновенно дѣютъ деньги за посѣщеніе съ крестомъ и платятъ во время говѣнья исповѣдныя деньги; мѣщане - земледѣльцы за посѣщеніе платятъ хлѣбомъ, яйцами, масломъ и проч., а исповѣдныя, по 2 к. съ души, даютъ не во время исповѣди, а въ Пасху; поэтому и поны въ Пасху къ другимъ мѣщанамъ ходятъ съ крестомъ, а къ мѣщанамъ - земледѣльцамъ съ «Воскресеньемъ на ручкѣ», то есть, съ иконою Воскресенія Христа съ рукояткой, которая втыкается въ жито, насыпанное на столѣ подъ божницей; жито это идетъ въ пользу причта.

Особенно замѣчательно, что эти мѣщане-земледѣльцы сохранили общинное пользованіе земель, хотя она признана городскою и продается съ торговъ въ аренду. Этого достигаютъ они такимъ образомъ: передъ торгами мелентьевскій конецъ избираетъ изъ своей среды мѣщанина и даетъ ему полномочіе торговать землею; этотъ уполномоченный является на торги и арендуетъ на себя всѣ участки, которые входятъ въ составъ бывшей мелентьевской общины; сумму, какую онъ внесъ за аренду, мелентьевскій конецъ платитъ потомъ складчиной, которую разверстываетъ на семьи по числу душъ. Тоже самое дѣлаютъ и борисовскій и вахрамеевскій концы, затѣмъ эти три общины-арен-

датора пользуются землей по прежнему, т. е., пахатное поле остается по прежнему раздѣленнымъ на три поля: паровое, ржаное и овсяное; каждое поле дѣлится, какъ прежде, на полосы; пожни остаются за прежними хозяевами, которые владѣютъ ими уже по сту лѣтъ; «дербы», т. е., мѣста, выжженные подъ ленъ, эти мѣщане жгутъ въ тѣхъ же лѣсныхъ участкахъ, которые принадлежали ихъ роднымъ деревнямъ. Такъ какъ мѣщане, занимающіеся земледѣліемъ, составляютъ большинство населенія Никольска, то самый городъ составляетъ какъ-бы союзъ трехъ земледѣльческихъ общинъ. Полвѣка живутъ эти три общины, не смѣшиваясь экономически; даже бесѣдки, эти дѣвическіе клубы, устраиваемые на артельныхъ началахъ, организуются отдѣльно въ каждой изъ трехъ общинъ—въ мелентьевскомъ концѣ свои бесѣдки, въ вахрамеевскомъ свои и т. д. Полвѣка не могли объединить составныхъ частей этого города; вотъ какъ вообще трудно поддается жизнь объединенію. Этотъ примѣръ, конечно, не показываетъ, чтобы крестьянская община была на столько живуча, чтобы не могла и пасть подъ энергичными ударами, но изъ него все-таки видно, что крестьяне предпочитаютъ общинный бытъ другому и стараются удержать его вопреки всякимъ препятствіямъ. Какъ они смотрятъ на его преимущества, мнѣ показало интересное сравненіе, которое я услышалъ отъ одного знакомаго крестьянина Семена Березы изъ деревни Кумбисеръ (въ 12 верстахъ отъ Никольска), когда я ему приводилъ доводы противъ общины; крѣпостное владѣніе и общинное онъ сравнилъ съ дворянскою перчаткой и крестьянскою рукавицей: «Въ дворянской перчаткѣ»—сказалъ онъ мнѣ,—«у каждого пальца свой чуланчикъ, а въ морозъ они забнутъ; въ крестьянской рукавицѣ всѣ они вмѣстѣ и другъ друга грѣютъ».

Другой примѣръ того, какъ народъ не охотно разстается съ старыми формами жизни, я наблюдалъ на Леденгскомъ усольѣ. Леденгскій солеваренный заводъ принадлежитъ казнѣ, которая прежде сама производила здѣсь варку соли, нынѣ же сдаетъ заводъ на аренду; теперь за-

водъ находится на арендѣ у ростовскаго купца Первушина. Переимѣна въ управленіи заводомъ сильно отразилась на мѣстныхъ жителяхъ; они значительно обѣднѣли. Селеніе завода, повеличинѣ не уступающее городу Никольску, по всюду представляетъ слѣды упадка; большіе двухэтажные дома стоятъ съ выбитыми стеклами, повсюду развалины, гнилые троттуары, запущенные садики. Въ народѣ слышны жалобы на бѣдность; одинъ рабочий, жившій въ избѣ, въ которой помѣщался этанъ, говорилъ мнѣ, что онъ много видитъ проходящихъ арестантовъ, приглядѣлся къ нимъ и находитъ что всѣ они живутъ гораздо лучше, чѣмъ онъ. Новый хозяинъ завода уменьшилъ эксплуатацію разсола; прежде, при казнѣ, въ дѣйствиіи было 20 варницъ, теперь только 9. Съ сокращеніемъ дѣйствующихъ варницъ рабочаго народу требуется гораздо менѣе противу прежняго; между тѣмъ, леденгское населеніе свыклось съ своимъ промысломъ, а никто не хочетъ перейти къ другой промышленности, для чего, можетъ быть, нужно еще и переселеніе. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ леденгское общество приняло такую мѣру: оно приняло на себя всю работу по варницамъ въ цѣломъ, и потомъ уже между собою разверстало работу такъ, что въ результатѣ вышло всеобщее равномерное пониженіе благосостоянія. Каждый членъ общества имѣетъ право на два дня работы въ варницѣ, остальные четыре въ недѣлю у него гульные; конечно, два рабочихъ дня въ недѣлю или 104 дня въ годъ не могутъ обезпечить содержаніе рабочаго, особенно семейнаго. Въ гульное время леденгцы заняты поставкой дровъ; конные занимаются возкой ихъ, безконные рубятъ. Рубка дровъ также раздѣлена между всѣмъ обществомъ, то есть, все леденгское селеніе обратилось въ артель, которая беретъ на себя подрядъ поставить на заводъ столько дровъ, сколько будетъ нужно. Вообще, говорятъ рабочіе, гдѣ бы нужно двухъ рабочихъ, тамъ мы поставили шесть. По ихъ расчету, 18 рублей рабочей платы за варничныя работы раздѣлены между тремя человѣками, а 30 рублей платы за рубку дровъ—между шестью. Такимъ обра-

зомъ, человѣкъ съ семьей въ 10 душъ получаетъ въ мѣсяцъ 5 рублей, а ему нужно 10 пудовъ муки, слѣдовательно, 10 рублей серебромъ. Можно сказать, что леденгская община тонетъ, но тонетъ разомъ: всѣ члены ея цѣпко держатся другъ за друга.

Не извѣстно, долго ли просуществуетъ въ Никольскѣ тотъ порядокъ, который мы описали. Пока охотниковъ соперничать съ мѣщанами на торгахъ на землю было мало, но время отъ времени все-таки являются; можно надѣяться, что и въ будущемъ городская управа не будетъ стараться, увлекаясь стремленіемъ увеличить городскія суммы, искусственными мѣрами разжигать частныхъ хозяевъ къ конкуренціи съ тремя общинами, составляющими городъ, тѣмъ болѣе, что у нея есть значительная доходная статья, которою она не умѣла до сихъ поръ пользоваться, какъ бы слѣдовало: часть городской земли, прилегающей къ рѣкѣ, арендуется сплавщиками хлѣба въ Архангельскъ подъ постройку барокъ; цѣны, за которыя сданы эти участки, слишкомъ ужъ дешевы, — такъ, напримѣръ, большой участокъ земли сданъ купцу Спирину на 12 лѣтъ чуть-ли не за 20 руб., тогда какъ онъ гораздо дороже беретъ за $\frac{1}{5}$ той же земли съ другаго судовладельца, да травы накашиваетъ на сумму, равную арендной платѣ, не говоря ужъ о томъ, что онъ также строить отъ 4 до 5 барокъ на этой землѣ. Рядомъ съ нимъ другой купецъ за участокъ въ нѣсколько разъ меньшій платитъ до 70 рублей. Эта послѣдняя плата показываетъ, до какой величины городская управа могла бы довести ее вообще, а можетъ быть, и эта плата еще не велика; для судовладельца было бы не отягочительно заплатить въ пользу города и побольше.

Что касается до способа владѣнія землей, то, хотя во всемъ никольскомъ уѣздѣ господствуетъ общинное землевладѣніе, и дворянскихъ помѣстій нѣтъ (кажется, всего одна помѣщичья усадьба есть въ кемскомъ краѣ), однако, каждая изъ трехъ установленныхъ нами частей: кемскій край, вохомскій край и Низа, отличаются нѣкоторыми особенностями. Въ кемскомъ краѣ, напримѣръ, мы встрѣчаемся съ лѣсовла-

дѣльцами, которыхъ нѣтъ въ другихъ частяхъ уѣзда. Эти владѣльческіе лѣса составляютъ сплошную площадь между рѣками Кемой, Унжей и Свитицей и были пожалованы правительствомъ разнымъ дворянскимъ фамиліямъ не ранѣ начала нынѣшняго столѣтія; владѣльцы этихъ лѣсовъ не только не живутъ въ краѣ, но часто даже не знаютъ, гдѣ находятся ихъ лѣсныя дачи. Въ настоящее время эта площадь жалованныхъ лѣсовъ — самый бѣдный хорошимъ лѣсомъ уголь, потому что надзоръ лѣсной стражи сюда не простирался, и богатые лѣсопромышленники, пользуясь отсутствіемъ лѣсовладѣльцевъ, давно вырубали и сплавили по Унжѣ весь хорошій лѣсъ. Въ Низахъ, то есть, въ окрестностяхъ Никольска и ниже по Югу, нѣтъ землевладѣльцевъ дворянъ, но есть крестьяне-помѣщики, владѣющіе участками въ нѣсколько десятинъ, а иногда и меньше одной десятины. Такихъ поземельныхъ собственниковъ здѣсь много, но общее количество крѣпостныхъ земель не велико; общинныя земли въ отличіе отъ крѣпостныхъ здѣшніе крестьяне зовутъ, какъ мы это случилось слышать, радowymi. Въ этой же части уѣзда встрѣчаются половники. Наконецъ, особенность вохомскаго края заключается въ томъ, что здѣсь существуетъ множество новыхъ починковъ, то есть, мелкихъ колоній, выселенныхъ изъ старыхъ деревень. Здѣсь считается до 400 починковъ, всѣ они не вошли въ списокъ населенныхъ мѣстъ вологодской губерніи, изданный центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Основаны они частію крестьянами сосѣднихъ волостей никольскаго уѣзда: Лапшинской, Вознесенской, Черно-Николаевской и Павинской, частію крестьянами вятской губерніи исключительно изъ котельничскаго уѣзда, изъ волостей Тороповской, Киселевской и Ключевской. Одни вятчане основали здѣсь до 250 починковъ; вятскіе починки лежатъ по преимуществу по берегамъ р.р. Ирдомы, Луптюга, Бѣлой, Рупдюга и Калюга, текущихъ въ казенной Пушемско-Моломской лѣсной дачѣ. Многіе изъ этихъ починковъ имѣютъ уже около 60 лѣтъ существованія, другіе основаны не болѣе деся-

ти лѣтъ назадъ, а можетъ быть, и менѣе. Не смотря на давность своего существованія, починки эти не были вносимы въ списки поселеній никольскаго уѣзда на томъ основаніи, что жители ихъ продолжали считаться «на старинѣ», то есть, въ старыхъ своихъ деревняхъ, куда они отвозили и свои подати; вятскіе починцы, живя въ предѣлахъ вологодской губерніи чуть не столѣтіе, продолжали отвозить подати въ вятскую губернію, иногда верстъ за сто отъ своего починка. Это явленіе странно тѣмъ, что его нѣтъ въ другихъ частяхъ уѣзда. Одни въ Никольскѣ объясняютъ его существованіемъ какого-то котельническаго исправника, который будто-бы позволялъ противузаконно это переселеніе и потомъ уѣхалъ за границу, другіе тѣмъ, что мѣстность по Лунтюгу и Прдомѣ опустошена сильными лѣсными пожарами. Вѣрнѣе всего то, что край этотъ лежитъ близко къ вятской губерніи, населеніе которой, занимаясь исключительно земледѣліемъ, стремится къ колонизаціи по мѣрѣ своего размноженія. Сами крестьяне объясняютъ свое выселеніе недостаткомъ лѣса въ котельническомъ уѣздѣ, и также «утѣсненіемъ въ землѣ». Въ котельническомъ уѣздѣ, по ихъ словамъ, такъ мало лѣса, что новыхъ избъ не изъ чего строить, и жители нерерубаютъ избы изъ старыхъ до трехъ разъ; размѣры избы, такимъ образомъ, уменьшаются съ каждымъ разомъ и въ концѣ копецъ доходятъ чуть не до величины телячьей стойки. Тонятъ въ уѣздѣ прутьями и сучьями, а въ екатерининской волости — соломой.

Починки ведутъ къ временному разрушенію общины. Основываютъ починки, по моимъ догадкамъ, богатые крестьяне, точно также, какъ они по преимуществу расчищаютъ новины. Богатый крестьянинъ, имѣя въ домѣ лишнихъ работниковъ и поболѣе лошадей, не можетъ довольствоваться тѣмъ количествомъ земли, какое ему достается въ надѣлъ отъ общины; онъ отправляется въ казенную дачу и тамъ, украдкой отъ лѣсной стражи, чиститъ себѣ новину. Большая часть новинъ послѣ сѣва хлѣба бросается, другія обращаются въ починки. Подъ починки, по словамъ крестьянъ, избираются

зарослые «дербы», гари и ломи; что многіе починки основаны на старыхъ дербахъ, свидѣтельствуя названія нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, на примѣръ: Калинины дербы, Зарослыя дербы, Семейныя дербы, Юрины дербы, Парашины дербы и проч. На время чистки новины починецъ ставитъ шалашъ, который срубается изъ четырехугольныхъ вѣнцовъ, какъ и изба, но вмѣсто печи по срединѣ шалаша устраивается между двумя камнями очагъ, дымъ отъ котораго проходитъ въ дыру въ потолкѣ, затыкаемую чурбаномъ или мѣшкомъ съ травой. Хлѣбъ починецъ печетъ въ сосѣдней деревнѣ, если «старина» далеко. Послѣ вырубки лѣса на новинѣ первое дѣло «выпрятать валы», т. е. сложить вырубленный лѣсъ въ валы или гряды; выпрываютъ валы иногда помощью; затѣмъ жгутъ и «катаютъ» валы, т. е. перекатываютъ горящій валъ вдоль новины. Это самая трудная и черная работа; руки становятся черныя, просмаливаются сѣрой и напываются сажей, такъ что не отмываются. Къ этой копоти присоединяется дымъ, который починцы должны переносить въ своихъ шалашахъ. Въ то лѣто, какъ посѣютъ рожь, строятъ ужъ избушку, бьютъ въ ней печь и привозятъ бабъ. Какъ скоро починецъ перевезъ на починокъ свое семейство и скотъ, «старина» отказываетъ ему въ своей землѣ. Обыкновенно это дѣлается на третій годъ послѣ основанія починка, и только подушные покосы починцы сохраняютъ часто въ теченіе 20 лѣтъ, живя на починкѣ иногда верстахъ въ 25-ти отъ старины. Отказъ въ землѣ «старина» оправдываетъ тѣмъ, что починцы, съ переводомъ своего скота на починокъ, прекращаютъ называть свою полосу на старинѣ. Черезъ пять лѣтъ починцы корчуютъ пни, когда «протрухнутъ корни»; раньше этого времени новину пашутъ, огибая сохой пни.

Новины, которыя послѣ расчистки не бросаются, а назмются и обращаются подъ вѣчный посѣвъ, называются кулигами. Иногда въ починокъ выселяется разомъ три семьи, или онѣ выселяются одна послѣ другой вскорѣ; каждая семья расчищаетъ себѣ отдѣльную ку-

лигу. Впоследствии это кулижное владѣніе прекращается—черезъ пять лѣтъ послѣ основанія починка, давши каждому основателю снять три - четыре травы палочника *) съ его кулиги въ вознагражденіе за его труды по расчисткѣ; тогда всѣ кулиги объявляются общимъ достояніемъ и распределяются по душамъ «по-конно». И тѣ починки, которые основаны очень состоятельными крестьянами, впоследствии перемѣняютъ кулижное землевладѣніе на общинное; иногда основатель починка припускаетъ на починокъ чужого крестьянина за деньги: одинъ крестьянинъ, какъ мнѣ говорили, за припускъ на починокъ заплатилъ почицу 150 р. Наконецъ, и у самого починца разрастается семейство, дѣлится, строятъ особые дворы и образуетъ цѣлую деревню; названія вѣкоторыхъ деревень показываютъ, что онѣ ничто иное, какъ одно обширное семейство, какъ, напримеръ: Корнията, Денисата, Микулята или Ермаковщина, Хомяковщина, Медвѣдевщина, Окуловщина, Некрасовщина и проч. Члены разросшагося семейства дѣлятъ скотъ и кулиги и потомъ распределяютъ ихъ «по-конно». Такимъ образомъ, возобновляется общинный бытъ на починкахъ, но до этого времени на починца можно смотрѣть, какъ на поземельнаго собственника. Мнѣ называли только два починка, которые были основаны общинами: основатели починка Мараксинскаго на р. Маракѣ (впадающей въ р. Шайму) расчищали землю подъ пашню полосами, — назначать лѣсъ подъ чистку, артелью «скатить» и тотчасъ же размѣряютъ по душамъ; починокъ Сидоровъ въ вершинахъ Калюга состоитъ изъ четырехъ семей, въ которыхъ душъ не по ровну, но каждое семейство владѣетъ четвертью расчищенной земли, потому что при основаніи починка отцы или дѣды семействъ условились по-ровну чистить и по-ровну владѣть до ревизіи.

Съ теченіемъ времени починки разрастаются въ деревни съ сложнымъ общиннымъ бытомъ.

*) Палочникъ (*phleum pratense*) — единственная трава, которую здѣсь сѣютъ. Палочникъ сѣютъ на новину одновременно съ рожью: рожь вымолачиваютъ и просѣиваютъ отъ сѣмянъ палочника; на слѣдующій годъ ржи на нови-

Въ починкахъ, перешедшихъ къ общинному быту, полосы бываютъ по 4 и по 5 сажень ширины; такъ какъ здѣсь поле не дѣлится на множество «платовъ» съ различнымъ качествомъ почвы и, можетъ быть, встрѣчаются даже одноплатныя поля, то здѣсь у хозяина бываетъ меньше полосъ, и нѣтъ полосъ столь узкихъ, какъ на «старинѣ». Съ увеличеніемъ полей въ починкѣ, съ умноженіемъ населенія въ немъ, съ истощеніемъ въ различной мѣрѣ почвы и здѣсь является потребность разсортировать землю на нѣсколько платовъ и измелчить полосы; чѣмъ старѣе починокъ, тѣмъ земельные обычаи ближе подходятъ къ порядкамъ на старинѣ; чѣмъ починокъ новѣе, тѣмъ менѣе въ немъ общиннаго духа. Въ старыхъ деревняхъ поле не составляетъ одного общаго «плата», — его дѣлятъ на двѣ половины и болѣе, такъ что у одного хозяина считается отъ 20 до 30 полосъ во всѣхъ трехъ поляхъ (паровомъ, ржаномъ и овсяномъ). Полосы поэтому узки, въ нѣкоторыхъ деревняхъ уже бороны, потому что на душу приходится не болѣе 2 1/2 шаговъ; хозяева, получающіе надѣлъ всего на одну душу, соединяются, въ такомъ случаѣ, съ какимъ-нибудь сосѣдомъ, получаютъ надѣлъ вмѣстѣ и обрабатываютъ его сообща.

Интересны здѣшніе обычаи при дѣленіи сѣнокосовъ; распределеніе сѣнокосовъ здѣсь чрезвычайно разнообразно по деревнямъ и отличается большею или меньшею сложностью. Для примѣра я возьму сначала одну деревню Аксентьеву, обь обычаяхъ которой я болѣе всего разспрашивалъ. Сѣнокосы въ Аксентьевой (въ трехъ верстахъ отъ Никольска) можно раздѣлить на три рода: 1, заполоски, 2, дѣлянки и 3, пожни. Заполосками называются небольшіе лоскутки земли около хлѣбонахатныхъ полосъ; это собственно продолженіе полосъ, только не распаханное, а оставленное подъ траву. Заполоски выпахиваются тѣмъ же хозяиномъ, которому принадлежитъ прилегающая полоса; слѣдовательно, сколько въ деревнѣ полосъ, столько и заполосковъ. Дѣлянками называютъ здѣсь сѣнокосы,

нѣ уже болѣе не сѣютъ, но на ней вырастаетъ отличный палочникъ, который снимаютъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

лежащие по мелкимъ рѣчкамъ и ложкамъ; дѣлянки дѣлятся шестомъ. Наконецъ, пожнями называютъ сѣнокосы, расчищенные въ лѣсахъ въ 8 верстахъ отъ деревни, по рѣчкамъ Карнышу, Погорѣлицѣ и въ вершинахъ р. Куячихи. Здѣсь каждый хозяинъ имѣетъ свою пожню, которую расчистилъ, можетъ быть, еще его дѣдъ; онъ смотритъ на нее, какъ на наслѣдство. Встрѣчаются пожни, находящіяся въ пользованіи двухъ дворовъ: это непремѣнно значить, что оба двора родные, происходятъ отъ одного дѣда, который расчищалъ пожню, и лишь въ послѣдствіи раздѣлились, но пожню оставили неподѣленною. Пожни, слѣдовательно, суть такіе участки, на которые условія общиннаго быта не распространяются. Пожни часто лежатъ черезполосно отъ нѣсколькихъ деревень; такъ, на примѣръ, пожни деревень по рр. Кипшеньгѣ и Лохѣ перемѣшаны между собою: часто кипшенжане имѣютъ пожни подъ самою Лохой, а лошане ближе къ Кипшеньгѣ, словомъ тамъ, гдѣ ихъ старики чистили. Такое пользованіе сѣнокосами имѣетъ ту выгоду, что сѣнокосные мѣста распределены теперь равномѣрно между деревнями; есть деревни, не имѣющія своихъ удобныхъ сѣнокосныхъ мѣстъ; есть другія, подлѣ которыхъ они изобилѣютъ; существующій порядокъ не мѣшаетъ первымъ завести пожни подъ бокомъ у вторыхъ. Здѣсь очень много деревень, которыя имѣютъ свои сѣнокосы на другихъ системахъ рѣкъ, и нужно замѣтить, что вершины рѣчекъ часто заняты подъ сѣнокосъ вовсе не жителями той-же рѣки, живущими въ ея низовьяхъ, а скорѣе жителями какой-нибудь сосѣдней рѣки; такъ, на примѣръ, вершины р. Пыстюга (системы Волги) выкашиваются крестьянами деревни Ширей, которая лежитъ въ системѣ р. Юга, и ширяне, чтобы дойти до своихъ сѣнокосовъ, должны пересѣчь весь сузѣмъ, — деревня ихъ лежитъ на сѣверной сторонѣ сузѣма, а сѣнокосъ на южной. Жители города Никольска имѣютъ пожни въ вершинахъ р. Кипшеньги, крестьяне деревни Ногавициной (на р. Шарженьгѣ) ходятъ косить сѣно за 40 верстъ на р. Кему. Это явленіе объясняютъ бѣдностью здѣшняго края въ сѣнокосахъ и ихъ мелкотравіемъ; приходится

по неволѣ искать сѣнокоса по всѣмъ закоулкамъ сузѣма; нерѣдко крестьяне косятъ сѣно между болотами и выносятъ его на носилкахъ; крестьяне деревни Ногавициной ѣздятъ за 30 верстъ собирать вмѣсто сѣна осиновый листъ. Поэтому немудрено, что крестьяне задумываются при слухахъ о размежеваніи земель; тогда, конечно, имъ придется разстаться съ пожнями внутри сузѣма и удовольствоваться тѣмъ, что есть въ окрестностяхъ ихъ деревень.

Дѣлянки деревни Аксентьевой лежатъ на р. Куячихѣ и Крутой. Онѣ не равны между собою и разбросаны въ разныхъ мѣстахъ; тѣмъ не менѣе, аксентьевцы представляютъ умственно сумму этихъ дѣлянокъ и дѣлятъ ихъ по числу душъ въ деревнѣ. Для большаго удобства, населеніе деревни раздѣлено на три девятины, девятины на половины; каждой девятинѣ назначены извѣстныя дѣлянки, и есть такія большія дѣлянки, что въ нихъ помѣщаются цѣлыя половины девятины; другія малы, и нужно ихъ нѣсколько, чтобы составить половину; есть дѣлянки, на которыхъ посажено не болѣе 4-хъ душъ. Семьи разсажены по дѣлянкамъ съ давняго времени, но сама дѣлянка ежегодно дѣлится между семьями, на нее опредѣленными. Пришедши на дѣлянку, косцы отыскиваютъ старыя межи, обозначенныя рядомъ камней и отдѣляющія ее отъ смежныхъ дѣлянокъ. Потомъ мечутъ жребій, въ какомъ порядкѣ размѣститься на дѣлянки, — кому выше, кому ниже. Жеребій бросаютъ посредствомъ цѣтвѣтъ. Установивъ порядокъ слѣдованія, начинаютъ на каждую душу отмѣрять полосу шириной въ косовище; выкосивъ отмѣренное, переходятъ дальше по дѣлянкѣ или снова мечутъ жеребій цѣвѣтами, или мѣряютъ опять покосовищу «поконно», т. е. въ томъ же порядкѣ, въ какомъ души слѣдуютъ въ выкошенномъ участкѣ. Продолжая, такимъ образомъ, дѣлить и выкашивать, приходятъ къ тому, что косовище не укладывается больше вдоль дѣлянки нужное число разъ; тогда мѣряютъ косовищемъ поперекъ дѣлянки; если и тутъ еще образуется остатокъ, который нельзя уже болѣе дѣлить,

Городъ Никольскъ.

По фотографіи, сообщенной Г. Н. Потанинымъ; рис. Г. Глушковъ, рѣз. на дер. А. Шлиперъ.

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ, Т. III, 1876 г.

Доволено цензурою. Спб., 23 сентября 1876 г.

Типографія В. Граціанскаго, Невскій, № 46.

его выкашиваютъ сообща и скошенное на немъ сѣно дѣлятъ въ копнѣ.

Въ другихъ деревняхъ (какъ, на примѣръ, въ Селивановой) дѣлянокъ нѣтъ; но вмѣсто нихъ есть подушныя сѣнокосы, т. е. пожни, рассчитанныя въ крестьянской примежеванной дачѣ, не далѣе 5 верстъ отъ деревни; оброка за эти пожни лѣсному вѣдомству крестьяне не платятъ, какъ и аксентьевцы за свои дѣлянки, а между тѣмъ, они по душамъ по-конно не разверстаны: у кого гдѣ дѣдъ чистилъ, тотъ тамъ и владѣетъ «покулижно»; пытались, говорятъ, когда-то разверстать по-конно; но волостное правленіе не позволило, — крестьяне думаютъ, что богачи дали взятку волостнымъ. Это даетъ поводъ думать, что и аксентьевскія дѣлянки были когда-то не разверстаны по душамъ, а были частными пожнями и лишь потомъ приговоромъ общины превращены въ общинное владѣніе.

Еще шагъ впередъ дѣлаетъ община, когда сѣнокосъ, вмѣсто дѣленія шестомъ или косовищемъ, выкашивается миромъ, «общиною», и сѣно дѣлится въ копнахъ. Обычай этотъ существуетъ тамъ, гдѣ есть поемныя луга хоть въ полверсты шириной; по моимъ разспросамъ, обычай этотъ существуетъ въ деревняхъ Мякишевой и Подолѣ (на Кипшенгѣ), Черниной (на Шарженгѣ), Аксиловой и Есиповой (у обѣихъ деревень общій лугъ); наконецъ, двѣ деревни Кузнецова и Филипова и часть Теребаевой имѣютъ общій лугъ при устьѣ р. Кипшенги. Для косьбы назначается по одному или по два косца на душу, состоящую въ платежѣ податей. Сѣно складывается въ копны, которыя по качеству сѣна сортируются на два сорта: хорошій и плохой. Затѣмъ участники дѣлятся на двѣ половины; выбираютъ двухъ стариковъ и вручаютъ имъ два рода жеребьевъ — одни, вырубленные изъ черемухи, другіе — изъ ивы или ольшины; старики обязаны воткнуть ихъ въ копны; подробности этой процедуры я не могъ узнать точнѣе, однако, цѣль ея заключается въ томъ, чтобъ въ каждую половину попали поровну и хорошія и худыя копны. Половина копны дѣлится тѣмъ же способомъ между свои-

ми членами, пока дѣло не дойдетъ до дѣлежа одной копны между двумя лицами; эти послѣдніе рѣшаютъ — кому низъ, кому верхъ копны, мѣряя горстью по палкѣ, какъ это дѣлаютъ дѣти во время игръ въ мячикъ. Обычай выкашивать сѣно общиною можно считать вполне мѣстнымъ, возникшимъ здѣсь и выработаннымъ постепенно изъ мѣстныхъ элементарныхъ обычаевъ; по крайней мѣрѣ, обычай дѣлить отдѣльныя копны на дѣлянкахъ распространенъ повсей системѣ р. Шарженги и въ другихъ мѣстахъ, и немудрено, если это дѣленіе послѣднихъ копенъ развилось до общиннаго кошенія сѣна на цѣлой дѣлянкѣ или на цѣломъ лугу.

IV.

Другая форма экономического союза, артель, также въ большомъ ходу въ никольскомъ уѣздѣ. Строятъ ли крестьяне барки, выжигаютъ-ли известь, варятъ-ли пиво, строятъ-ли качели, убираютъ-ли хлѣбъ или горохъ, строятъ-ли избу, вездѣ — артель или помочь.

Постоянныхъ артелей въ уѣздѣ, впрочемъ, нѣтъ: изъ временныхъ замѣчательны артели барочниковъ, то есть, плотничныя артели, занимающіяся постройкой барокъ на хлѣбной пристани въ городѣ Никольскѣ. Барки строятъ для сплава въ Архангельскъ хлѣба, который доставляется гужемъ изъ иранскаго и котельническаго уѣздовъ вятской губерніи и частію по р. Вохмѣ; преимущественно сюда идетъ овесъ, котораго ежегодно сплавляется изъ Никольска болѣе 200,000 пудовъ. Ежегодно для сплава этого хлѣба строится на берегу Юга, подлѣ самаго города, отъ 30 до 55 барокъ.

Никольская пристань вызываетъ организаціи трехъ сортовъ артелей: 1) артелей барочниковъ; 2) артелей двинскихъ пильщиковъ и 3) артелей сплавныхъ. Барочники составляютъ артели по 8, по 10 человѣкъ; онѣ состоятъ изъ крестьянъ ближайшихъ къ городу деревень. Артели состоятъ изъ жителей разныхъ деревень, даже родные братья попадаютъ въ разныя артели. Барка требуетъ на постройку 60 дней, и по окончаніи постройки артель разсыпается. Одинъ изъ артельщиковъ называется подрядчикомъ или

плотникомъ; онъ ведетъ счеты съ купцомъ, хозяиномъ барки, и руководить работами. Барочники запрягаются осенью, при сдачѣ податей за вторую половину года; безденежье заставляетъ ихъ братья за такую дешевую цѣну, что изъ платы, которую они получаютъ, имъ не остается почти никакого барыша. Еще весной, по спускѣ барокъ и отплытіи ихъ, хлѣбные торговцы выдаютъ впередъ подрядчику или плотнику рублей семь «кокорныхъ»; осенью, передъ сдачей податей, онъ получаетъ задатокъ по 10 рублей на человѣка или 80 рублей на всю барку и, ссужая этими деньгами крестьянъ, организуешь изъ нихъ около себя будущую артель. За постройку барки изъ хозяйскаго лѣса берутъ 130, 125 или 120 рублей, да кромѣ того, полпуда трески и 1 пудъ соли. За постройку сырой барки, то есть, изъ своего лѣса, берутъ 230 или 240 р. с. При подрядѣ выговариваютъ «приятныхъ» денегъ 3 рубля, а если не выговариваютъ денегъ, то просятъ во время постройки на водку, сложивъ 6 клѣтокъ или «городковъ», на которыхъ будетъ впоследствии покоиться барка, и, положивъ на нихъ кобылины, идутъ къ хозяину просить: «давай, хозяинъ, водки кобылину приморазивать»; сплотивъ днище, передъ тѣмъ, какъ начать огибать его досками, просятъ «окружное заземъ размочить, иначе ломается»; передъ постановкой карги на кормъ просятъ: «корговое» и т. д. Рабочая плата получается барочниками по частямъ три раза: во первыхъ, осенью—задатокъ, во вторыхъ, въ Благовѣщенье, которое здѣсь называется бабьимъ праздникомъ; въ этотъ день къ барочникамъ приходятъ въ городъ ихъ жены и барочники должны, по обычаю, угощать ихъ водкой; въ третьихъ, при спускѣ барки, такъ называемое «спускное». Артель нанимаетъ въ городѣ квартиру, то есть, помѣщается въ одной избѣ съ хозяиномъ-мѣщаниномъ; платятъ за это 7 рублей; при этомъ покупаютъ чугуны и чашки, такъ что за все за это сходится съ человѣка по 1 р. с. Харчъ, кромѣ трески и соли,—свой; крупу, гороховую муку, галанку (брюкву) и лукъ приносятъ изъ дома по понедѣльникамъ (каждую субботу барочники расходятся по деревнямъ и возвращаются только въ понедѣльникъ

утромъ). Постное масло покупаютъ на рынкѣ. Иногда становится по двѣ артели въ одну избу, такъ что въ избѣ длиной 6 аршинъ помѣщается около 25 взрослыхъ человѣкъ. Берутся за постройку барокъ большею частью люди по бѣднѣе или большесемейные, у которыхъ найдется праздный членъ въ семействѣ; болѣе состоятельные этимъ не занимаются, но нанимаются у барочниковъ возить лѣсъ изъ сузема на р. Югъ. По цѣнамъ, которыя барочники платятъ коннымъ мужикамъ, можно составить приблизительный расчетъ стоимости вывозки лѣса на цѣлую барку. Вотъ онъ:

12—14 бревень на днище по 1 р. 40 к. одно.	16 р. 80 к.
28 паровые конца зазѣма по 1 р. 60 к. за каждый	46 » 80 »
6 оздъ по 1 р. 40 к. каждая.	8 » 40 »
8 ухватовъ по 30 к. каждый.	2 » 40 »
2 стрѣлы по 40 к.	— » 80 »
48—50 кокоръ по 35 к.	16 » 80 »
2 карги и 2 подушки паровыя по 1 р. 60 к. каждая	3 » 20 »
48 коротышей по 25 к.	12 » — »
48 рѣшетинъ по 10 к.	4 » 80 »
Отъ 22 до 24 порубней по 60 к.	13 » 20 »
3 поносныхъ (по 5 лошадей подъ кажд., по 3 р. 50 к.)	10 » 50 »
Колья, жердя, городнику по 5 воевъ на человека, по 30 к. возъ.	2 » 40 »
2 трубицы по 20 к. каждая.	— » 40 »

138 р. 50 к.

Если прибавить къ этому издержки на квартиру, масло, говядину и прочее, то общая сумма издержекъ дойдетъ до 150 р.; затѣмъ, если принять высокую цѣну, получаемую барочниками за постройку сырой барки, въ 240 рублей, то изъ рабочей платы останется для дѣлежа всего 90 р.; при раздѣлѣ этого остатка на 8 артельщиковъ, каждому достанется не болѣе 11 р. 25 к. за 60 дней работы, или по 18 к. въ день. Если принять при этомъ въ расчетъ, что барочники харчуются на половину на свой счетъ, то есть, изъ дома носятъ хлѣбъ, крупу и проч., то изъ этихъ 18 к. еще придется сдѣлать вычетъ, такъ, что въ дѣйствительности, рабочий день барочника оплачивается не болѣе, какъ въ 10 к. Мой расчетъ еще умѣренный. Сами барочники оцѣниваютъ круглымъ числомъ полупай вывозки (весь вывозъ барки состоитъ изъ 4 паевъ.— слѣдовательно, на одного человѣка въ артели падаетъ полная), въ 24 р., а вывозку цѣлой барки—въ 192 р.; при этомъ расчетѣ дневной

трудъ барочника обойдется только въ 6 к. Такимъ образомъ, трудъ барочника почти даровой. Разумѣется, это не замѣтно на практикѣ, потому что не всегда случается, чтобы барочнику довелось вывозить весь лѣсъ; часть его или вывозить онъ самъ, или она уже вывезена самимъ судохозяиномъ; въ этомъ случаѣ, крестьянинъ все-таки получаетъ деньги; если же случится, что для вывозки всего лѣса барочникъ бываетъ вынужденъ нанять другого человѣка, то такіе не только ничего не получаютъ, но еще остаются должны 2 или 3 рубля подрядчику. Только необходимость имѣть наличныя деньги ко дню Козьмы и Демьяна (1-го ноября) для уплаты податей, совершенное отсутствіе другихъ зимнихъ занятій, расчетъ, чтобы лошадямъ дать зимой какую-нибудь работу, и, наконецъ, желаніе полакомиться болѣе вкусною пищею съ треской и постнымъ масломъ и нрѣдка имѣть водку, принуждаютъ крестьянина браться за постройку барки. Самая постройка не тяжела, говорятъ крестьяне, но возка лѣса изъ сузѣма очень трудна: «работа тогда труженная, въ поту каждый день по самую рубашечную завязку; какъ бы не были мы пьяницы, Христу были бы помощники!»

Спускъ барки—событіе въ жизни артели, а спускъ барокъ вообще событіе для цѣлаго города. Процедура спуска состоитъ изъ двухъ фазъ; сначала подъ барку подводятъ рычаги, а потомъ вырубаютъ подпорки, на которыхъ она стояла до сихъ поръ. Въ промежутокъ между этими двумя фазами, прежде, чѣмъ начинаютъ рубать подпорки, совершается религіозная церемонія. Сначала судохозяинъ угощаетъ артель водкой, потомъ какъ барочники, такъ и 60 человѣкъ уже нанятыхъ бурлаковъ, которые составятъ въ послѣдствіи экипажъ барки, садятся на землю; проходитъ нѣсколько минутъ въ молчаніи, какъ это бываетъ на проводинахъ; затѣмъ встаютъ, снимаютъ шапки и молятся; послѣ того артель барочниковъ съ топорами въ рукахъ уходитъ подъ барку, «плотникъ» указываетъ, гдѣ рубить и заботится, чтобы лѣсъ рѣдѣлъ равномерно; послѣднія три кола вырубаются самыми опытными рабочими; это—ро-

ковая минута, и народъ, окружающій барку, невольно утихаетъ. Раздается трескъ, барка накренивается, закрываетъ отъ глазъ зрителей на минуту рабочихъ и катится въ воду по подложеннымъ для того бревнамъ. Рабочіе эти становятся героями дня. Плотникъ получаетъ за спускъ барки десять рублей «попечительныхъ», а тѣ трое, которые подрубали послѣдніе колья, по 25 к. или по 50 к. «подломныхъ». Часто торжественность этой картины увеличивается выстрѣломъ изъ маленькой пушки съ барки. Конецъ праздника имѣетъ, однако, характеръ болѣе комическій; спустивъ барку, купецъ приглашаетъ почетнѣйшихъ изъ зрителей съ исправникомъ во главѣ въ хлѣбный амбаръ, тутъ же на берегу, гдѣ приготовлена закуска; въ то время, какъ гости угощаются, передъ окнами амбара пѣсенники поютъ пѣсни. Часа черезъ два вся компанія возвращается въ городъ съ раскраснѣвшимися лицами, слегка покачиваясь и обязательно поддерживая градоначальника.

Артели двинскихъ пильщиковъ приходятъ въ Никольскъ съ Двины, рабочая плата у нихъ 30 к. зарѣзъ, такъ что два пильщика зарабатываютъ отъ рубля до 1 р. 20 коп. въ день.

Артели сплавныя, то есть, бурлаки, раздѣляются на «коренныхъ» и «присаду». Коренные, иначе называемые «проходными», это—тѣ, которые ийдутъ отъ Никольска вплоть до Архангельска; присада нанимается только до Устюга, потому что сплавъ до этого города опасенъ по мелководью и излучистому теченію рѣки Юга. Коренные организуются десятками въ своихъ деревняхъ; родные братья встрѣчаются въ разныхъ артеляхъ, такъ что попадаютъ не только на разныя барки, но и къ разнымъ купцамъ; большинство проходныхъ—съ Двины, начиная отъ Устюга; приходятъ сюда артели даже изъ Тулгаса и Николы Шилинскаго (послѣднее селеніе на 100 верстъ ниже Нижней Тоймы, въ 400 верстахъ отъ Устюга). Они идутъ до Никольска лѣшкомъ, питаются однимъ хлѣбомъ и дѣлая утомительные переходы; оба эти условія вызываютъ у нихъ болѣзнь—куруную слѣпоту, которою они часто страдаютъ въ это

время, тогда какъ на мѣстныхъ жителей эта болѣзнь не распространяется. Сплавной получаетъ по 16 руб., но, впрочемъ, только «лоньшакъ», то есть, такой, который ходилъ на баркахъ того же купца въ прошломъ году. Не лоньшаки получаютъ по 10 и даже по 8 рублей. Кромѣ того, хозяинъ даетъ на каждого человѣка по 2 пуда муки на всю путину, изъ нихъ артель 15 пудовъ перепекаетъ на хлѣбъ, а пудовъ 5 продаетъ дорогой въ видѣ муки. На барку ставится до Устюга 60 человѣкъ (коренные и присада), а ниже 35, 40 человѣкъ (одни коренные); десятки на баркѣ не соединяются въ одну общую артель,—каждый десятокъ ведетъ свое хозяйство отдѣльно. Присада садится на барки безъ ряды. Они не составляютъ артелей; въ Устюгѣ купецъ расплачивается съ присадою по произволу, самъ оцѣнивая услугу каждого—кому даетъ и больше, кому меньше. Платятъ большею частью по 5, по 6 руб., иногда по 10 рублей, а одинъ никольскій купецъ платитъ даже по 1 руб. 50 к. и никогда больше 3 руб. Кромѣ того, присада получаетъ хлѣбъ и соль отъ хозяина и тоже безъ положенія—сколько отпустить; поэтому они иногда стараются украсть, возьмутъ на день, да опять снова идутъ получать, будто не брали. Присада—это ближайшіе къ городу крестьяне, народъ большею частью бѣдный; многіе изъ нихъ идутъ только изъ-за того, чтобы хлѣбъ получать. Для квартиры они большею частью нанимаютъ у мѣщанъ бани, тогда какъ коренные помѣщаются въ избахъ. Отъ хозяевъ присада не требуетъ никакой посуды, потому что ѣдятъ за все время сплава только хлѣбъ съ водой и потому платятъ только за квартиру по 1 к. или по 1¹/₂ к. за ночь, тогда какъ коренные платятъ по 35 коп. съ человѣка «до отстою», то есть, за все время, сколько простоятъ. Считая по 30 человѣкъ присады на 40 барокъ, всего собирается сюда этихъ бѣдныхъ людей 1200 человѣкъ. Кромѣ присады, на барки садятся въ Никольскѣ двинскіе нищіе, которые въ половинѣ зимы группами проходятъ мимо города въ плодородную Вохму и вятскую губернію, а весной сходятся къ Никольской пристани. Ихъ берутъ на барки даромъ.

Описывая край и стараясь представить полную, всестороннюю картину его жизни, всегда слѣдовало бы не упускать изъ виду тотъ рядъ людей, который можно назвать интеллигенціей края. Почти всякая область русскаго государства, Малороссія, Донъ, Сибирь, Поволжье, даже маленькій старый Яикъ могутъ указать на группу людей, занимающихся исторіей и статистикой края не изъ простой любознательности, а въ видахъ изученія мѣстныхъ нуждъ и улучшенія народнаго быта. Знакомство съ такими людьми обязательно для путешественника; онъ не только получитъ отъ нихъ много свѣдѣній о краѣ, но и въ нихъ самихъ найдетъ данныя для характеристики мѣстнаго населенія, потому что люди эти всегда отражаютъ на себѣ явныя и тайныя стремленія, достоинства и недостатки среды, въ которой живутъ и интересамъ которой служатъ. Къ сожалѣнію, для нашего сѣвера еще не народилось такой группы людей. Хотя г. Мордовцевъ, въ одной изъ своихъ статей о провинціальной печати, и сгруппировалъ нѣсколько именъ, считая ихъ за сѣверную фракцію нашихъ провинціальныхъ писателей, но всѣ эти имена принадлежатъ людямъ, случайно занесеннымъ въ край; другіе «радѣтели сѣвера» хотя и пекутся о немъ, но мѣръ своего разумѣнія, но живутъ не на мѣстахъ. И такъ, остается только желать, чтобы такіе люди поскорѣ явились въ самомъ краѣ. Правда, и я видалъ тамъ людей, которые любятъ свой край и желаютъ ему счастья: то купецъ встрѣтится, читающій всякую статью о своемъ краѣ и даже изрѣдка пописывающій; то учитель въ уѣздномъ городкѣ, хлопочущій объ устройствѣ тамъ школъ, библиотекъ и проч.; но всѣ эти люди рассыпаны по краю и другъ друга не знаютъ; нѣтъ такого общаго пункта, на которомъ они соединились бы въ одну дружную группу. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы кто нибудь предпринялъ періодическое изданіе для нашего сѣверо-востока, на почвѣ котораго всѣ эти глоснущіе въ безвѣстности и въ бездѣйствіи силы могли бы соединиться и образовать полезнаго для общества умственнаго двигателя.

Гр. Потанинъ.